АЛЕКСАНДР

МОКРОУСОВ

ЗАГОВОР

НА КОН ПОСТАВЛЕНА
СУДЬБА СТРАНЫ

Александр Мокроусов
Заговор
Серия «Преступление в большом городе. Современный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68822271
Заговор: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-181309-3

Аннотация

Максим Романов, молодой бизнесмен, заходит в случайное кафе и знакомится там с девушкой Ириной. Через некоторое время Максим уже сидит в подсобке этого кафе, прикованный наручником к его новой знакомой, а два бандита угрожают им пистолетами. Но не это самое скверное. Очень скоро Максим раскусил злодеев: ими оказались сотрудники полиции, и они явно принимали его за другого человека. Молодым людям удалось сбежать, несмотря на то что их руки по-прежнему были скованы. А через несколько дней Максиму приходит новость: в подсобке кафе, где его удерживали силой, обнаружили тела двух полицейских, а Ирина при этом бесследно исчезает…

Увлекательный детектив на крайне важную тему.

Автор ведет рассказ от первого лица, что воспринимается убедительно и достоверно.

Автор 25 лет проработал в компаниях-производителях Samsung Electronics, Nokia, Microsoft, Epson. Прошел путь от мерчендайзера до главы представительства, потому все, что он пишет о бизнесе и предпринимательстве, совершенно достоверно и убедительно.

Содержание

Вступление первое, более позднее 6
Вступление второе, более раннее 9
Глава 1 12
Глава 2 38
Глава 3 50
Глава 4 61
Глава 5 69
Глава 6 104
Глава 7 128
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Александр Мокроусов
Заговор

Все, что вы прочтете – является исключительно плодом фантазии автора. Любые совпадения с реальными историческими событиями, именами и датами – не более, чем случайность.

Вступление первое, более позднее

– Максим, гляньте в окно, что видите?

За окном было апрельское краснодарское небо, памятник казакам в островке травы посреди круглой мощеной площади, черная дорога асфальта и за ней сквер с бюстом Жукова и Мемориальной аркой. Люди, машины, фонтан в глубине сквера за аркой.

– Вы понимаете, в каком здании вы находитесь?

– Администрация, мы в здании Администрации Краснодарского Края.

– Максим, как вы думаете, зачем мы привезли вас в это здание?

– Вы хотите показать мне ваши возможности. И хотите намекнуть, что вы работаете с одобрения властей.

– Похвально, мне рассказывали, что у вас аналитический склад ума. Но не верно. Не совсем верно. Демонстрация наших возможностей будет чуть позже. И покровительство нынешней, так называемой, власти нам совершенно не требуется. Мы просто хотели показать вам, что мы здесь не в гостях. Мы в этом здании, в этом городе, в этом крае, мы тут дома.

– Я думал дома гостям тапочки предлагают, чай, ну может воду на худой конец. А не к тележкам скотчем приматывают. Напомните, почему мне не стоит кричать и звать на помощь?

– Хороший вопрос. Во-первых, вас никто не услышит. В

этом кабинете полная звукоизоляция, даже от направленного лазерного микрофона. А во-вторых, если вы начнете кричать, нам придется снова вас отключить, и вы пропустите демонстрацию, о которой я вам только что говорил.

– Хорошо, я не буду кричать. А держать меня привязанным к этой тачке вы почему считаете нужным? Я для вас опасен, или думаете, я ручку со стола сворую?

– Ай молодец, ай умница! Другой бы на его месте вопил и карами небесными грозил, а он ничего себе, шутит. Нет Максим, не опасаемся мы. Просто реакция на увиденное у вас может быть разная. Поэтому не взыщите, но пока вы в таком вот положении останетесь. Кстати, уже пора. Вы в окошко смотрите, сейчас интересное начнется.

Меня снова подкатили к окну.

Прямо напротив администрации остановилась синяя девятка. С пассажирской стороны на тротуар вышел молодой человек, черноволосый, бородатый, в темном спортивном костюме. Он обошел машину, не торопясь открыл багажник и вытащил из него трубу длиной метра полтора. Еще раз обошел машину, обернулся к зданию администрации и улыбнувшись помахал рукой. Затем вскинул трубу на плечо, повернулся к скверу Жукова, замер. Звука выстрела я не услышал. Из трубы вылетел снаряд, пролетел справа от бюста маршала и влепился в колонну Мемориальной арки. Осколки камня и облицовочной плитки пыхнули фонтаном во все стороны накрыв случайных прохожих. Арка чуть про-

села, но не упала.

Бородач с гранатометом отбросил трубу на тротуар, не торопясь подошел к памятнику казакам. Расстегнул ширинку и начал мочиться на постамент. Затем, так же не торопясь, застегнулся, подошел к ожидавшей его машине, сел на заднее пассажирское место. Машина очень плавно, без визга и пробуксовок отъехала от тротуара и исчезла из вида.

– Максим, вижу вас впечатлила демонстрация? А теперь скажите мне, Максим Александрович, зачем вы этот теракт организовали?

Вступление второе, более раннее

Меня зовут Максим Романов, мне 36, рост 186, 95 кг, короткие темные волосы, серые глаза, когда смеюсь, вокруг образуется множество мелких морщинок. Родился и всю жизнь живу в Краснодаре. Хотя, говорить, что я живу в каком-то городе – не правильно. Последние десять лет я провожу в России не больше семи-восьми месяцев в год. Из них в Краснодаре, наверное, не больше трех месяцев. Я основатель и единственный владелец сети ресторанов быстрого питания «Максим». Вернее, я один из нескольких тысяч владельцев акций сети «Максим». От остальных держателей акций «Максима» меня отличает 55-процентный контрольный пакет. В рейтинге богатых россиян Форбс оценивает меня примерно в 600 млн. долларов и ставит в своем списке куда-то в конец второй или начало третьей сотни богатейших россиян. Конечно, это оценка моих официальных активов. На самом деле я сам оцениваю себя примерно в 1,2–1,5 миллиарда, моя стоимость колеблется от стоимости активов. Ну да не суть. Сейчас весна, четверг, 6 апреля 2017 года. Через несколько дней мой 37-й день рождения. Я в Краснодаре, пристегнут наручниками к совершенно не знакомой мне блондинке в подсобке кафе на улице Красной. Передо мной стоят два крайне неприятных типа. Особенно не приятно то, что один из них держит пистолет, направленный дулом мне в

живот. Второй тип держит такой же пистолет направленным в голову моей соседке. Как я уже сказал, девушка, с которой меня объединяет один наручник на двоих, мне совершенно не знакома. Тоже самое могу сказать и о персонажах, хвастающихся нам своим огнестрельным оружием. На то, чтобы понять, что пистолеты настоящие, а не пластмассовые игрушки из Детского мира, даже моих не глубоких знаний оружия хватает. Но знаете, я не то, что не напуган. Я скорее даже разочарован. Как я уже сказал, я достаточно богат. И разумеется, большинство моих знакомых тоже вполне себе обеспеченные люди. Так вот, некоторые из них почему-то считают, что лучший подарок мне на день рождения – эмоции. Наверное, они думают, что раз «у человека все есть», дарить ему материальные подарки не круто. В прошлом году, за день до дня рождения, мне «подарили» захват заложников в самолете. Я был пассажиром захваченного лайнера. Два года назад, накануне моего ДР, был захвачен ресторан, где я мирно обедал. По всей видимости, мои друзья узнали, что мне нравится фильм с Брюсом Вилисом «Крепкий орешек», вот и стараются дать мне шанс спасти народ. Одна беда, я не стремлюсь никого спасать. Я прошел некоторое обучение действиям в экстремальных ситуациях и знаю, что в подобных случаях лучше ничего не делать, чем сделать что-то, что может навредить.

Итак, весна, Краснодар, подсобка кафе, блондинка, наручники, два пистолета и пара бандитов угрожающего вида.

Скука.

Глава 1

Когда-то я думал над приобретением самолета. Многие мои знакомые, потолкавшись в зонах досмотров в аэропортах, столкнувшись с задержками регулярных рейсов, получив в соседей по креслу болтливого пассажира, купили себе супер джеты, какие-нибудь Гольфстримы, Лиры или Робинсоны. Некоторые пользуются частными авиаперевозками, фрахтуя мини джеты для перелетов. Но я не вижу в этом смысла. Вернее не так. Смысл в частном самолете разумеется есть. Ведь наша огромная страна связана авиасообщением только через Москву. Чтобы мне из Казани попасть в Екатеринбург, оттуда в Хабаровск и вернуться в Краснодар, мне понадобится шесть регулярных рейсов со стыковкой в Москве, вместо возможных трех прямых. Поэтому смысл в частном самолете конечно же есть. Но мне нравится атмосфера аэропортов. Это не железнодорожный вокзал! В любом аэропорту есть некая своя, только ему присущая атмосфера. Шереметьево – это еще со времен Шереметьево-2 главные ворота «туда», Хельсинки, с его деревянными инсталляциями – прям таки пропитан духом северных озер и лесов. Вена – это капучино и кабинки для курения. И даже владивостокский Кневичи, екатеринбургский Кольцово или польский Вроцлав имени Николая Коперника имеют свой шарм. Самолет в любой стране это все же транспорт повы-

шенной стоимости и позволить его себе могут, к сожалению, далеко не все. Это или командировочные бизнес-пассажиры, или отпускники-путешественники. Но в любом случае это люди, предпочитающие скорость стоимости. Да и сам полет, не знаю, как для поколения миллениумов, 2000 плюс года рождения, а для более старших людей это, пусть и не осознанный, но праздник. Даже для менеджера среднего звена, проводящего в командировках половину времени, полет, в отличии от поезда, автобуса или машины, это маленький праздник. Поэтому в аэропортах и царит, на мой взгляд, некая приподнятая эмоциональная атмосфера. Мне нравится эта обстановка. Я люблю, присев за столик в бизнес зале, поработать в окружении постоянно сменяющихся соседей, под объявления о вылетах, в этом присущем только аэропортам гуле голосов, самолетов и радио анонсов. Частные аэропорты, депутатские в России и первого класса в остальных странах салоны, через которые летают владельцы собственных самолетов, не дают этого погружения в человеческий водоворот обычного аэропорта. Поэтому я пользуюсь регулярными рейсами.

Мой рейс SU 1284 Москва-Краснодар приземлился в аэропорту Пашковский 6 апреля в 08:35. Меня встретил водитель и в начале десятого я уже ехал по улице Фадеева в сторону улицы Мачуги по дороге в центр города. Своего помощника, Сергея Давыдова, я отпустил до понедельника сра-

зу по прилету, он попросил отгулы потому что собирался встретиться с какими-то родственниками. И сейчас я сидел в машине один, с бутылочкой минералки, смотрел в окно на уже по-весеннему зеленый и солнечный после еще снежно-слякотной Москвы Краснодар. Новый мэр Краснодара, как и большинство его предшественников, в первую очередь занялся декорированием дороги из аэропорта. В принципе, вполне логично. Где побывают гости города и что они увидят предсказать нельзя. Ремонтировать микрорайоны смысла нет, ведь люди в них уже живут и из-за отсутствия бордюра или ливневки никуда не уедут. А вот по дороге из аэропорта у приезжих складывается первое, самое запоминающееся, впечатление о городе. И потом в Москве два депутата смогут обронить: «Был я недавно в Краснодаре, встречался с людьми, ничего себе город, ухоженный, зеленый, отличные дороги, видно, что есть у города хозяин». Потому и ставятся в любом городе по дороге от аэропорта одинаковые красивые, сплошные заборы, регулярно кладется новый асфальт, стоят светофоры с обратным отсчетом времени. Но сегодня улица Мачуги- это восьми полосная когда-то дорога шириной более двадцати пяти метров, на которой сейчас вообще нет никакой разметки. Представьте южных темпераментных водителей, которые должны сами определить для себя границы своей полосы для движения. При этом на дороге еще и рабочие вяло ковыряют асфальт и маневрируют на своих желтых строительных машинах. Вот и едем мы со скоростью

10 км/ч. Даже мой всегда спокойный водитель выводит беззвучную дробь пальцами по рулю, а это верный признак его не вполне расслабленного состояния.

Поездка в Москву прошла не то, чтобы плохо, скорее, напряженно. Я коммерсант, бизнесмен, управленец. Кто угодно, только не политик. Но разумеется, при выходе на определенный уровень в бизнесе, человек знакомится с властью. Вернее, власть обращает внимание на человека и знакомится с ним. Когда в 1999 году я открывал свою первую столовую «Максим», я пришел к участковому инспектору милиции, представился и подарил ему и его руководству месячные абонементы на обеды. Когда в 2004 я открывал тысячную столовую, ставшую к тому времени уже «рестораном быстрого питания Максим» в Казани, полномочный представитель президента в ЮФО сам пригласил меня в Ростов-на-Дону на встречу. Когда в 2011 я вошел в ТОП 500 российского Форбс, я впервые встретился с президентом. Конечно это была не «встреча», мне скорее «показали» президента на одном из саммитов, а со мной встречался его помощник. Это вполне закономерно. Власть должна убедиться в лояльности тех своих граждан, состояние которых дает им возможность сделать нечто, заметное со стороны. Согласитесь, богатый человек может построить стадион, открыть парк, построить больницу. А может стать спонсором оппозиции. И хорошо, если это будет наша, домашняя оппозиция. А может ведь и

с радикалами связаться, особенно если богач религиозен. И не важно, к какой конфессии он принадлежит. Странное дело, но именно религия в большинстве своем приводит к конфликтам, войнам, переделам географии. Вспомните крестовые походы, появление Пакистана, арабо-израильский конфликт или Сирию…

Итак, уже почти пять лет у меня есть куратор «в структурах» и я регулярно встречаюсь с представителями власти. Это правила игры. У тех же американцев это еще более отлажено, структурировано и запротоколировано. У нас, сколько бы вы ни вложили в предвыборную кампанию президента, вам не дадут переночевать в Кремле. Вернее, дадут, но скорее за хороший коньяк и коробку сигар для коменданта. А вот у них, в США, вполне официально можно получить ночь в спальне Линкольна в белом доме за пару-тройку миллионов в предвыборное шоу будущего президента. И если вас не испугает призрак Авраама Линкольна, вы вполне можете рассчитывать на ночлег в святая святых всей западной демократии. Кстати, именно недогляд власти в штатах привел к тому, что их президентом стал Трамп, классный бизнесмен, но никакой политик. Но что-то я не о том.

В июне следующего года в России стартует чемпионат мира по футболу 2018. Моя компания выиграла конкурс на обеспечение питания болельщиков, команд-участниц и журналистов на стадионах и в комплексах размещения, пресс-центрах и вообще во всех официальных локациях. Органи-

заторы ставили задачу показать самобытность русской кухни, то есть пирожки вместо хот догов, компот вместо колы, коробочки не с лапшой, а с бефстрогановым, ну и так далее. Никто, кроме Группы Компаний Максим, в масштабах страны не смог бы потянуть такой проект. Конечно, желающих было очень много, на таком проекте можно заработать вполне себе не плохое состояние. Поэтому то, что я назвал «конкурсом» скорее было боданием моих лоббистов и представителей моих конкурентов. Мои люди лучше отработали свои зарплаты и в итоге, в середине далекого 2011 года, через полгода после выбора России местом проведения ЧМ, я подписал контракт на обеспечение питанием чемпионата мира по футболу 2018. Контракт принесет мне и моим поставщикам громадные деньги. Но разумеется, с каждого проданного пирожка, котлеты по-киевски или коробочки пюре я, помимо легальных налогов, должен отчислить сумму «на развитие спорта». Причем, с момента подписания контракта, эти суммы уже трижды кратно увеличивались. Но пока они оставались в пределах плановых значений, которые мои аналитики прогнозировали еще в начале проекта, так что на встречах по этому вопросу я, скорее для вида, торговался, но в итоге разумеется подписывался под обновленными условиями. Поэтому очередная встреча с кураторами в Москве прошла не то, чтобы плохо, а по-деловому сложно. Но в целом все в привычных и прогнозируемых рамках.

Из-за ремонта дорог, я доехал до центра города только в районе одиннадцати часов. Водитель высадил меня возле кинотеатра Аврора на улице Красная 202 и должен был ждать на стоянке законодательного собрания, ул. Красная дом 3. Между этими адресами порядка пяти километров тенистой аллеи со множеством уличных кафе. Дорожную сумку, кейс, пальто и галстук я бросил в багажник еще в аэропорту, оставшись в темно синем тонком шерстяном костюме и белой льняной рубашке. Самое то для плюс двадцать и солнца. Телефон я еще в машине переключил на голосовую почту. Мне хотелось погулять, подумать, выпить кофе. На все планировал потратить около двух часов.

Выйдя из машины у супермаркета Табрис, я перебежал дорогу и вышел к Авроре. Как-то один мой знакомый сказал, что перебегать дорогу без светофора могут позволить себе только люди с отличной медицинской страховкой и без планов на вечер. Я полностью с ним согласен, но в полдень, в четверг, в центре Краснодара машины стоят такой плотной пробкой, что я могу себе это позволить.

Проходящий молодой усатый казак из патруля только укоризненно взглянул и покачал головой в мою сторону, но подходить ко мне они не стали. В последнее время в Краснодаре, да и по всей Кубани, значительно увеличилось присутствие казаков во всех сферах жизни. Начиналось все лет десять назад, когда в Краснодарском крае был принят знаменитый «Детский закон», по которому дети до четырнадцати

лет не могут находиться на улице без сопровождения взрослых после 21:00. С четырнадцати лет и до совершеннолетия комендантский час устанавливается с 22:00 до 06:00. Именно тогда впервые на улицы массово вышли казачьи патрули. Причем, если раньше они сопровождались милиционерами, то уже лет так пять, незаметно и постепенно, патрулирование улиц в ночное время на Кубани полностью перешло от ППС к казакам. Я много езжу по стране и встретить на улице вооруженных огнестрельным и холодным оружием сотрудников не государственных войсковых организаций можно только на Кубани и в Чечне. Разумеется, историческая казачья форма, в которой патрулируют улицы казаки, в тысячу раз приятнее смотрится, чем черная военная униформа чеченских патрульных. Может быть поэтому у нас на Кубани на возросшее влияние казаков не то, что не смотрят с негативом, наоборот, все чаще люди звонят с проблемой не на 02, в полицию, а на горячую линию оперативного отдела Кубанского Казачьего войска. А для кубанских пацанов вообще есть две главные мечты: либо попасть в футбольную школу ФК Краснодар, либо в казачье кадетское училище.

Итак, казаки ко мне не подошли, лишь пожурили взглядом, и я спокойно подошел к Авроре.

Комплекс кинотеатра Аврора был построен в 1967 году по проекту сочинского архитектора Сердюкова. Интересное, знаковое здание для Краснодара. Сколько свиданий бы-

ло назначено у Авроры, сколько ориентиров начинались со слов: «от Авроры…». Конкурировать, наверное, может только Дом Книги. Кстати, местные историки рассказывали мне, что раньше на этом месте был скифский курган, место давно особенное… Теперь кинотеатр почти разрушен, панели обшивки отваливаются, стены в лесах. Муниципалитет выделил уже несколько десятков миллионов рублей на реконструкцию кинотеатра, но, как это часто у нас бывает, подрядчик исчез со всеми деньгами. Мэр города выставил реконструкцию Авроры на тендер, но сумма муниципальной поддержки была чрезвычайно мала и желающих вложиться в заведомо бездоходный проект не оказалось. Говорят, один из крупных краснодарских бизнесменов взялся за реконструкцию комплекса за свой счет. Почему я не стал этого делать? Во-первых, я никогда не был благотворителем или меценатом. Все мои «добровольные» пожертвования были чисто деловыми инвестициями в репутацию или в конкретных людей. Да и вообще, в том месяце, когда мэру понадобилось решение вопроса, я был в Италии, учился управлять гидросамолетом на озере Комо. Возможно, кинотеатр и статую железной комсомолки с ружьем на плече назвали Авророй, именем богини утренней зари, за звезду, которую она держит в руке. Эдакий фьюжен: звезда – богиня – комсомолка – винтовка – кинотеатр… Архитектура, тем более такая парадная как тут, всегда была многозначна. Мне нравится здесь бывать. Тень деревьев, фонтаны, красивые прохожие,

смеющиеся дети на роликах и скейтах. Приятно посидеть с кофейным стаканчиком на ступеньках и просто подумать.

Оставив вход в кинотеатр за спиной, а железную революционерку справа, я пошел через группу поющих фонтанов вниз, в сторону центра города. Первое встреченное на моем пути кафе меня почему-то не привлекло. Наверное, слишком громко включенное радио «Европа Плюс». Кстати, заметили, что в большинстве наших общепитов, от кафе до баров и ресторанов, по телевизорам показывают клипы каких-либо российских исполнителей, а аудио ставят сборники англоязычных певцов? Мой арт директор, ответственный за атмосферу в наших ресторанах, объяснил это тем, что русские клипы сняты «дорого и богато», народу нравится. А вот звуковой ряд уступает. Ну не нравится людям есть и пить под песни нашей попсы. Рестораторы это интуитивно чувствуют и вот, в большинстве заведений, Киркоров открывает рот под песни Леди Гага или Вера Брежнева танцует в своем клипе под Роби Вильямса.

Пройдя еще пару сотен метров я услышал знакомую песню, звучавшую в следующем кафе. В нем я ни разу не бывал, даже не знаю, как оно называется, уверен, что в прошлую мою прогулку по улице Красной его еще не было. Но то, что в нем играет «Just Like Heaven» из альбома «Kiss Me» группы «The Cure» меня и удивило, и порадовало. Надо сказать, что для меня, как для многих парней моего поколения, фанатев-

ших когда-то по песням «Кино», открытие в более позднем возрасте группы «The Cure» было некоторым разочарованием. Тогда я узнал, что Виктор Цой был не столь уж оригинален, а просто повторил стиль британской группы. Хотя, любая стоящая группа влияет на следующее поколение, наверно это нормально. Я как-то встречался с Миком Джагером, в том числе говорили о феномене британской музыки как основы многих и многих локальных групп.

Кафе располагалось на аллее, между двумя рядами кленов, посаженных вдоль всего бульвара на улице Красной. Обыкновенные деревянные столики с такими же деревянными стульями, на спинках которых выжжена реклама пива. Но из-за музыки я все же решил попробовать тут кофе. Посетителей в кафе не было, только за одним столиком в тени сидела очень красивая худенькая молодая девушка, лет двадцати семи, блондинка с каре до плеч, в серых кроссовках, светло-голубых, почти белых джинсах, черной майке и черной джинсовой куртке. Ее и соседний стол были единственными местами в тени, зонтики над столами официанты еще не раскрыли и остальные столики заливало апрельское краснодарское солнце. Прикинув, где будет тень в ближайшие тридцать-сорок минут, я сел за соседний с блондинкой столик.

– Здравствуйте, меню или так рассказать? – спросила официантка, девушка лет двадцати пяти, в голубых джинсах, белой майке, коричневом фартуке и ярко розовых, почти что

кислотных кроссовках. Небольшой бейджик с именем Галя на левой лямке фартука.

– Добрый. Кофе в турке делаете? Крепкий, без сахара, большую чашку пожалуйста. – Вот не люблю я кофе из кофе маши, идеальный для меня кофе – это вообще заваренная в чашке арабика свежего помола.

– Сварю в турке, ок, а может к кофе десерт? Есть очень вкусный, не приторно сладкий пирог с вишней. – Девушка чуть не облизнулась, явно недавно пробовала этот самый пирог и он ей и правда очень понравился.

– Галя, а давайте, если не очень сладкий! – Я и впрямь захотел попробовать что-то после хоть и качественной еды бизнес класса, но все же это была еда в самолете, на высоте вкусы сильно меняются из-за давления, влажности и вообще, это еда в самолете, что еще рассказывать.

– Девушка, у вас либо диск заело, либо на радио у диджея инфаркт, – моя соседка смотрела на официантку и увидев ее непонимающий взгляд добавила, – у вас песня, «Лестница в Небо», играет третий раз подряд.

– Да да, девушка, а может и того хуже, Саддам Хусейн восстал и захватил радио станцию. – Добавил я с улыбкой.

А соседка та замужем, или папа у нее увлекается роком. Ну не поверю, что девушка сама по себе знает про случай на американской радиостанции, когда песня «Led Zeppelin» «Stairway to Heaven» звучала в эфире двадцать четыре часа! Слушатели и скорую вызывали диджею, и полицию, думали

либо инфаркт у диджея, либо любитель этой песни Саддам Хусейн с боевиками станцию захватил.

– Ой, простите, это новый сборник, только вчера хозяин сказал его теперь ставить, я и не знала, что там песни повторяются по нескольку раз! – Смутилась официантка.

– А повар не заметил? – Спросил я.

– А рано для повара, он к двум подходит, пока я одна на хозяйстве, – официантка располагающе улыбалась. – Но пирог все равно вкусный, его не у нас, его в пекарне пекут.

– Супер, хорошая реклама, пирог вкусный, его не у нас готовят. Кофе то сварите?

– Большая чашка, крепкий, без сахара. семь минут.

– Девушка, мне свежевыжатый сделаете? Или до двух, шефа ждать? – Блондинка за соседним столом мило, но достаточно холодно улыбалась официантке.

– Фрэш? Зеленое яблоко сельдерей, да, четыре минуты, все будет! – Официантка поправила стул у соседнего столика и удалилась внутрь ресторана через деревянную дверь справа от стойки бара.

– А все остальное не фрэш? – Еле расслышал я шепот соседки.

– Мадам, в любом языке есть идиомы, что ж вы так строгота? – Не то, чтобы я любил лезть с разговорами к людям, но общаться я и правда люблю.

– Во-первых, мадмуазель. А во-вторых, русский язык слишком красив и в нем и так достаточно заимствований

из английского. Хотя, да, простите, что-то я злая сегодня. – Блондинка смущенно заправила волосы за ухо.

– А вы откуда о Лестнице в Небо знаете?

– Адме точка ру, почему-то именно такая информация запоминается. – Оправив куртку девушка переложила ногу на ногу и села ко мне боком, чуть покачивая в такт музыки носком серой кроссовки Нью Беланс.

– Может я к вам за стол? Ну что мы как поссорившиеся соседи в коммуналке, и разговариваем, и каждый за своим столиком сидит?

– Сразу видно, что вы в коммуналке не жили, нету там на кухне места для отдельного стола на каждую семью. Там, как раз-таки, и сидят все за одним столом, не важно в каких соседи отношениях. Вы что, тоже хотите по-семейному? За одним столом? Я – девушка доверчивая, как предложение могу воспринять. Опять же кольца на безымянном у вас нет. После кофе ко мне едем, с папой знакомиться?

– А кто у нас папа?

– А вы невесту по папе выбираете?

– От папы стиль ухаживания зависит.

– Оу. Так вы за мной уже ухаживаете? Не тратьте свое моджо на меня, вы мне, простите, не интересны.

– Я думал, что девушкам нравится, когда с ними вежливо флиртуют. А еще, ну вы же в курсе, что отказ только раззадоривает мужчину?

– Ого, какое самомнение. Но я не люблю рисковать, а

флирта без риска забеременеть не бывает. А еще, ну вы же в курсе, что отказ останавливает мужчину, раззадоривает он самца. Навязчивого самца, который никак не может признать, что он не альфа и нужен далеко не всем женщинам. Вы мужчина или самец?

– Я лентяй. Мужчина-лентяй. Поэтому для меня отказ – это отказ.

– А это уже, простите, избегание. Я бы ее добился, но мне лень. Вы просто боитесь отказов, вы избалованы вниманием и слишком цените себя при достаточно низкой самооценке. Эдакий показной нарциссизм с комплексом неполноценности внутри, уж простите, что откровенно говорю.

– Нарциссизм, комплекс? Ну уж нет, это не про меня. Я вполне адекватно и, может даже наоборот, излишне критично к себе отношусь. Вас как зовут? Я Максим.

– Очень приятно, Максим. Но, как я уже сказала, знакомство мне не интересно, я просто хочу выпить сок в теньке с музыкой, которая мне нравится, кстати, обратили внимание, «Дорз» играет, у хозяина кафе интересный музыкальный вкус, давайте послушаем музыку. – Девушка улыбнулась и отвернулась в другую сторону. Есть такая улыбка, когда человек смотрит как бы сквозь тебя и вежливо приподнимает уголки губ. Это значит, что ты не плохой человек, при других обстоятельствах, с тобой может и подружились бы, и даже, возможно, вам вместе было бы интересно проводить время, но вот сейчас, в данный конкретный момент, ты не нужен

этому человеку. «Вы мне не интересны, сейчас». Предельно четко, ясно, объективно и ни капли не задевает человека.

В этот момент открылась дверь возле барной стойки и вышла официантка, неся поднос с большой белой чашкой кофе, тарелкой с пирогом и высоким бокалом зелено-желтого напитка с шапкой светло-коричневой пены и торчащей трубочкой.

Почему-то сначала девушка подошла к моему столику, хотя я сидел дальше от бара. Поставив тарелку с действительно аппетитным пирогом и чашку кофе, она улыбнулась и сделала буквально шаг вправо, к столику блондинки. При этом носок ее розового кроссовка зацепился за ножку стола, она сделала второй, быстрый шаг, как бы переступая, выгнув корпус чуть вперед. Для сохранения равновесия обе руки, и свободная, и с подносом, на котором стоял сок, инстинктивно пошли вверх и к себе. Поднос наклонился, как будто на нем лежало зеркальце и официантка решила в него поглядеться, стеклянный стакан со свежевыжатым миксом яблока и сельдерея наклонился наоборот вперед, от девушки, словно в замедленной съемке, перекувыркнулся через край подноса и, сделав несколько переворотов в воздухе, смачно шлепнулся на плитку, разлетевшись на миллиард стеклянных осколков и зелено-бурых частичек сока.

Я даже не хотел смотреть вниз. Мои черные туфли и тем-

ные брюки были не в самом эпицентре этого витаминного взрыва. Больше того, между нами были ноги официантки Гали. Но и все равно я почувствовал шрапнель осколков, ударившую по ногам. А вот официантке, в ее голубых «левисах», и моей соседке, с ее почти белыми джинсами, учитывая, что они была на прямой линии этой взрывной волны, досталось наверняка прилично. О том, что осколки стакана поранят ноги в джинсах и кроссовках я не беспокоился. Ущерб будет максимум косметическим, но все равно, такие вещи не добавляют радости в настроение.

– Вы в порядке? – Я привстал и протянул руку официантке, все еще не выпрямившейся после спотыкания.

– Да да, все нормально, простите, – она смущенно смотрела то на меня, то на блондинку, – простите, сейчас я все вытру, сейчас, сейчас принесу салфетки, вы не поранились? – Видно было, что девушка чуть в шоке, но все же это не первый ее разбитый стакан, и ситуация для нее ни капли не шоковая.

– Какие салфетки? Девушка, у вас туалет где? – Говоря это моя соседка почему-то задержалась взглядом на часах у себя на левом запястье, и только потом посмотрела на свои светло голубые джинсы, теперь до колен украшенные частыми бурыми точками, словно ее обрызгал из грязной лужи идиот-водитель.

– Да да, пойдемте, сейчас я вам дам нетканные тряпочки, они все соберут, – и повернувшись ко мне, – я вас не испач-

кала?

– Ничего страшного, плохо, что пирог остывает, – попытался подбодрить ее я, – а в остальном все нормально.

– Пойдемте, я вас провожу, – Галя руками показала блондинке направление к двери возле барной стойки, – туалет там, салфетки я принесу.

Официантка и блондинка зашли в помещение, а я остался с чашкой кофе и пирогом.

Минуты через три-четыре, я успел уже сделать пол дюжины глотков действительно хорошего кофе и съесть ломтик по-настоящему вкусного пирога, в кафе зашли двое мужчин и присели за ближайший к бару столик. Оба в поношенных, не дорогих костюмах, светлых, но не белых, рубашках без галстуков и потрепанных полуботинках. Почему-то я всегда обращаю внимание на обувь. Многие этого не делают, а зря. По обуви можно сказать о человеке очень многое. И даже если не о человеке в целом, то уж о его желании создать впечатление или о его приоритетах в данный момент времени точно.

Эти мужчины, оба слегка за сорок, оба, как я уже сказал, в костюмах без галстуков, были обуты в удобные, не первой молодости, ботинки на шнуровке и с высокой каучуковой подошвой. Один, тот, что был чуть полнее и ниже, носил темно коричневые туфли дерби с четырьмя шнуровочными дырками. Туфли были явно не супер дорогие, но все же ка-

чественные, годы службы износили носок, сделав его морщинистым как лоб скептика, а каблук был стерт с внешней стороны, как будто человек имел привычку ходить разведя носки в стороны. Второй посетитель, повыше, худее на пять-шесть килограмм, носил черные классические броги. Этот вид ботинок мне всегда одновременно и нравился, и отталкивал. Он особенно популярен у европейцев в возрасте сорок пять плюс. Но вот лично мне узор из накладок кожи с дырочками как-то всегда отдавал цыганщиной в самом плохом смысле этого сова. Особенно убого это украшение смотрится на неухоженной обуви, когда дырочки забиваются пылью и грязью и орнамент становится светлыми точками на фоне темной кожи. Именно такими и были ботинки второго мужчины. Ну и кроме того, его подошва так же была сделана из резины и достаточно стерта на внешних краях каблука. Типичная обувь и одежда людей, чья работа связана с выполнение государственной функции, но при этом она, эта работа, не кабинетная, а требует непосредственного присутствия «в полях». Отсюда эти не дорогие костюмы и стоптанные удобные ботинки, с толстой амортизирующей подошвой, рассчитанные на долгое хождение.

Двое новых посетителей окинули взглядом меня, пустые столики, стойку бара. Затем тот, что был чуть ниже, встал из-за стола, открыл дверь справа от стойки бара, заглянул внутрь и, обернувшись, сделал знак своему товарищу, который тоже встал и они вместе вошли в помещение кафе, куда

недавно отлучились блондинка и официантка Галя.

Апрельское солнце по-прежнему ярко светило, птички щебетали, кофе был очень даже ничего, такая же история с пирогом. После хмурой Москвы, с ее затянутым низкими облаками небом, мне действительно было очень приятно сидеть тут, в Краснодаре, в открытом кафе. В машине у меня лежит пара темных очков, но я почему-то забыл их прихватить и теперь чуть щурился на солнечный свет, смотрел на проходящих людей, думал ни о чем. Есть такое состояние у человека, когда он как бы и думает о чем-то, а вот сконцентрироваться и сказать, о чем были вот только что мысли-человек не может. Именно это состояние для меня – максимальный отдых, максимальное расслабление, релаксация. Я давно научился находить и использовать такие моменты, когда можно «думать ни о чем», просто наслаждаясь вкусным кофе, приятной погодой, красивыми прохожими.

Из этого состояния меня вывела официантка Галя, которая подошла и, почему-то чуть заплетающимся языком, сказала:

– Вас девушка просит помочь ей, у нее что-то отмыть не получается, она просит вас подойти помочь.

– Девушка, ушедшая с вами вместе в туалет оттереть пятна от сока, просит меня, не знакомого ей мужчину, зайти к ней в туалет и помочь ей? Вы уверены, что ее просьба зву-

чала именно так?

– Я не знаю, я просто прошу вас зайти в ресторан и помочь этой девушке, я не знаю, что ей нужно, это вы сами решите, мне просто сказали завести вас внутрь.

По всей видимости я уж слишком отвлекся от реальности, расслабившись с чашкой кофе под весенним солнцем. Иначе я бы обратил внимание на слова «мне сказали», вместо логичного «она просила». Я не придал значения и тем двум персонажам, что явно не были сотрудниками кафе, но вошли в него. Я бы обратил внимание на спокойную после разбитого стакана официантку, которую сейчас почему-то чуть подтрясывало. Ни на что это я не обратил внимания и просто поднялся из-за стола и прошел к двери, справа от барной стойки.

Открыв дверь, я вошел в полутемный коридор. Ближайшая, левая дверь, дешевая металлопластиковая, с белыми сэндвич панелями, вела, по-видимому, за стойку, в бар. За ней, так же по левой стороне, была еще одна такая же пластиковая белая дверь с надписью маркером «служебное помещение». В конце не длинного коридора светились неоном световые трубки, согнутые в виде букв М и Ж. Справа был проем, распахнутая настежь дверь в какое-то подсобное помещение, заставленное пластмассовыми и картонными ящиками. На одном из картонных ящиков с надписью Абрау-Дюрсо сидела моя давешняя соседка. Только вот сиде-

ла она как-то неправильно. Корпус сильно наклонен вперед, локти рук на коленях широко расставленных ног, руки скрещены впереди, кисти беспомощно свисают вниз. Так обычно сидят спортсмены по окончании дистанции. Или герои американских фильмов, в самом конце, на фоне догорающего здания, укрытые пледами медиков или пожарных. Как бы то ни было, поза блондинки ни капли не соответствовала тому, что я ожидал бы увидеть. Это была поза уставшего, смирившегося с чем-то тяжелым человека. Даже если любимым джинсам нанесен фатальный ущерб, не будет так сидеть человек, тем более девушка.

Из комнаты почти выбежал один из мужчин, тот, который плотнее и ниже. Он практически втолкнул меня в комнату и, не останавливаясь, выскочил на улицу. Все произошло очень быстро, очутившись в комнате я сразу направился к девушке, но тут услышал:

– Стоп, не надо торопиться, сядь на ящик рядом с ней, – это сказал мужчина, более высокий и менее плотный из недавно зашедшей в ресторан пары.

Я не заметил его из коридора так как он сидел справа от двери, у стены в глубине комнаты, напротив девушки. Как я уже сказал, это был мужчина чуть за сорок, плотный, но не толстый, темно серый костюм с вытянутыми и чуть лоснящимися коленками и локтями, неопределенного цвета рубашка, нечто среднее между кремовым и серебряным, черные, основательно ношеные броги. На левой руке Ориент на

стальном браслете. Круглое лицо, судя по раздражению на подбородке, недавно бритое, грязно красные белки глаз вокруг карих зрачков. Темные волосы с уже заметной сединой, короткая, но уже торчащая по бокам как у гриба с только начавшей расти шляпкой прическа. Ему бы черную папку в руки, и именно так должен выглядеть участковый, или опер полицейский не выше капитана. Прям шаблонная внешность, отложившаяся у меня в памяти еще по временам, когда я сам общался с районными отделениями тогда еще милиции, для открытия своих первых столовых. Вот только в руках у этого «полицейского» была не черная папка, а черный, с коричневыми накладками на рукояти ПМ под патрон 9х17 мм. Я знаю этот пистолет потому что в свое время много пострелял из такого Макарова на стрельбище под Краснодаром. Было у меня когда-то такое хобби. Не долго, наверное, месяца три, я по нескольку раз в неделю ездил стрелять. Но этого хватило на то, чтобы запомнить особенности основных пистолетов и револьверов, ружей и автоматов.

Качнув дулом в мою сторону мужчина не громко повторил:

– Садись на ящик рядом с подругой.

– А если нет?

– А если нет, мне придется в тебя стрелять.

– То есть если я сяду, ты стрелять не будешь? Тогда я сажусь, а ты убираешь пистолет, справедливо?

В этот момент в комнату втолкнули официантку и за ней

зашел второй мужчина. Так же чуть за сорок, не высокий, может 165 см., примерно 80 кг, темно синий полиэстеровый костюм, блекло синяя светлая рубашка, ежик темно русых волос. Лицо уставшее, мешки под глазами, сеточка лопнувших сосудов вокруг носа. Судя по лицу, у мужика явно нет планов дожить до пенсии. Картину дополнял аромат дешевого табака, прям таки шедший от него.

– Она 112 уже набрала, – сказал он и замахнулся на официантку, – хорошо я успел, не позвонила.

– Выведи ее, успокой и возвращайся, – распорядился первый мужчина, и глядя на блондинку добавил, – а мы пока проведем первичное дознание.

Низкий схватил официантку за руку и вытянул в коридор. Я повернулся им в след и увидел, что он втолкнул ее в дверь, ведущую в бар и захлопнул дверь за собой.

– Ты так и не сел, мне нужно тебя ударить, чтобы ты слушался? – Первый мужчина как бы в задумчивости приложил дуло пистолета к подбородку.

– Ты так и не ответил, уберешь ли пистолет, если я сяду.

– Пожалуйста, сядьте и не злите его, – неожиданно тихо сказала блондинка.

– Послушай подругу, зачем тебе провоцировать заведомо агрессивного человека? Это как минимум глупо, – мужчина улыбнулся.

– Ну, раз тут собрались не глупые и, надеюсь, интеллигентные люди, то давайте познакомимся. Меня зовут Мак-

сим, а вас? – Я поочередно посмотрел на блондинку, затем на мужчину.

Тут открылась барная дверь и из нее вышел полный мужик, сделал пару шагов по коридору и зашел в нашу комнату.

– Браслеты надень им, – сказал первый мужчина, – а то вот чувак что-то себя слишком вольно чувствует.

Второй мужик достал из правого бокового кармана пиджака наручники и, подойдя к блондинке, взял ее правую руку и застегнул один браслет на запястье.

– Подходи, Максим, дай руку и сядь уже на этот чертов ящик, – распорядился первый мужчина.

Я досчитал про себя до десяти. Медленно. Раз Миссисипи, два Миссисипи, три Миссисипи… Все это время я смотрел в ямочку под носом у первого мужика. Взгляд в эту точку как ничто другое бесит собеседника, который смотрит вам в глаза. Он видит, что вы смотрите на него, но не может найти контакт глазами. Это реально бесит. Я неоднократно использовал этот метод на переговорах. Так вот, только досчитав до десяти я медленно одернул брюки, сел на ящик справа от блондинки и протянул вперед левую руку. Второй мужчина тут же оттянул мои часы максимально к предплечью и застегнул наручник между браслетом часов и кистью руки.

Застегнув на мне наручники, второй мужчина отошел к противоположной стене, достал из нагрудной кобуры такой же, как у первого, Макаров и направил его мне в живот.

Итак, я сижу пристегнутый к не знакомой мне блондинке

в подсобке бара, мне в живот смотрит пистолет. Скоро мой 37й день рождения. Скучно.

Глава 2

Григорий Титов считал, что родился дважды. Первый раз в 1974 году, в больнице поселка Чусовой Пермской области, когда он физически появился на свет. Второй раз он родился спустя ровно тридцать лет, в 2004, в реанимации Краснодарской краевой клинической больницы номер 1, когда узнал о смерти отца и понял, для чего он сам родился тридцать лет назад.

С детства Гриша всегда ощущал себя очень счастливым ребенком. Его отец, Семен Михайлович Титов, был самым сильным, самым смелым и самым веселым человеком на земле. А его мама, Клавдия Васильевна, была самой нежной, доброй, и готовила самые вкусные на свете пирожки. В их доме всегда пахло выпечкой. Дома менялись со скоростью картинки в переворачиваемом калейдоскопе. Были комнаты в офицерских общежитиях, коммуналки, гарнизонные гостиницы. Но всегда, как только семья Титовых заселялась в дом, в нем начинало пахнуть выпечкой, окна украшались занавесками, а на столах появлялись вышитые Клавдией скатерти и рушники.

Гришин отец, Семен Титов, потомок древнего казачьего атаманского рода, окончил Краснодарское высшее военное авиационное училище в звании лейтенанта в 1972 году. За

проявленные в ходе обучения способности, а закончил Семен обучение не то, что первым на курсе, а с лучшими показателями вообще за историю ВУЗа, лейтенант Титов в том же году был направлен для прохождения дальнейшей службы в Куйбышевскую Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина. Там же, в Куйбышеве, под Ульяновским спуском, недалеко от знаменитого бара «На дне», на набережной Волги, солнечным осенним днем лейтенант Титов познакомился со студенткой пятого курса филологического факультета Куйбышевского Гос Университета Клавдией Семашко. Ему сразу, с первого взгляда, понравилась высокая, черноволосая, веселая, и в то же время скромная, даже для консервативного семьдесят второго года в провинциальном Куйбышеве, девушка. Черные как смоль волосы почти до пояса, крутые бедра, грудь, огромные, всегда блестящие глаза. Семен моментально, с первого взгляда потерял сердце, влюбился без памяти. Ну и ей тоже пришелся по душе силач, красавчик и балагур лейтенант Титов. Буквально на второй неделе знакомства Семен пришел домой к профессору Семашко и попросил руки его дочери. А уже через месяц после знакомства молодая семья Титовых заселилась в отдельную комнату семейного общежития офицеров при академии военно-воздушных сил.

Командование и руководство академии, где служил лейтенант Титов, пророчило ему славную научную карьеру военного теоретика и выход на пенсию в сорок лет минимум

в звании полковника. Но, это было не его. У каждого человека есть его собственная система ценностей, его modus operandi и modus vivendi, образ поведения и образ жизни. Для кого-то, чтобы быть положительным героем в своих собственных глазах, достаточно раз в год подать милостыню и не бить ремнем детей. И вот уже человек вполне себе положительно смотрит на себя в зеркало и даже рассчитывает на некую благосклонность к нему Кармы, Всевышнего или еще какой высшей силы. Но не так воспитывали Титова казаки, его дед и отец. Не для того поступал Семен в летное училище, чтобы, сидя за столом в кабинете, разрабатывать тактику воздушного боя. Несколько поколений кубанских казаков стояли у него за спиной. И не ряженых казаков, нацепивших купленные в киоске Союзпечати кресты, одевших бурку и выпивших стопку с бутафорской шашки. А настоящих, казаков, целью и смыслом жизни которых была служба Отечеству. Такие всегда были. И они пронесли свою честь, гордость и казацкие ценности через все время гонений, запретов, времена предания забвению самого понятия казачества. С пониманием той чести и привилегии, которая выпала ему родиться казаком, Семен воспитывался с самого детства. Поэтому кабинетная служба не могла его прельстить. В ноябре 1972 Семен написал рапорт на командировку во Вьетнам и в декабре улетел туда в составе группы военных советников. Три месяца Титов официально «инструктировал» вьетнамских пилотов, а фактически участвовал в боестолкнове-

ниях с американскими истребителями-бомбардировщиками Republic F-105 Thunderchief летая на МиГ-17. Вернулся в Куйбышев уже другой человек. Клавдия ни словом не упрекнула мужа. Ни за встреченный в одиночестве первый семейный Новый Год, ни за трехмесячную командировку сразу после свадьбы. При встрече она задала мужу только один вопрос: «Тяжело?». И крепко поцеловала. Семен тоже не особо распространялся, как получил внеочередное звание старший лейтенант и за что у него на левой стороне кителя появилась медаль «За отличие в воинской службе».

В течении следующих двух лет Семен пересел на МиГ-21, было еще три командировки во Вьетнам, перевод в военную часть в Казахстан под Астану, а осенью 1974 года его перевели в часть под Пермью. Там, зимой 1974, у Титовых родился первый сын, Григорий.

До 1977 года капитан Титов с семьей поменяли еще четыре военные части. За эти неполные четыре года он побывал в командировках в Эфиопии, Анголе, Мозамбике и Сирии, на правой стороне кителя прибавились два галуна тёмно-красного цвета и галун золотистого цвета за три ранения, медаль «60 лет Вооруженных сил СССР», вторая «За отличие в воинской службе» и самая ценная, самая уважаемая среди воинов, «За отвагу».

В декабре 1977 капитана Титова перевели служить на авиабазу Айни в Таджикскую ССР, а уже в январе 1978, пря-

мо в канун Рождества, в роддоме Душанбе у Семена и Клавдии родился второй сын, Иван. Девять из десяти первых месяцев после рождения сына Семен провел в командировках в Афганистане. Сначала он учил летчиков генерала Дауда летать на МиГ-19 и Миг-21, а после апрельского переворота был советником при Мухаммеде Нур Тараки. Когда на смену Тараки пришел Хафизулла Амин, отношения СССР и Афганистана несколько охладели, но зато, уже майор Титов, стал чаще бывать дома, с любимой семьей. Затем был мятеж в Герате, казни советников и специалистов, а через девять месяцев, в декабре 1979 года, советское правительство приняло решение о вводе наших вооруженных сил в Афганистан. 27 декабря советский спецназ провел стремительную атаку на президентский дворец в Кабуле, и, после свержения Амина, у власти был поставлен бывший заместитель премьер-министра Бабрак Кармаль. Началась война.

Семь долгих лет, вплоть до 1986 года, Семен регулярно выполнял интернациональный долг в составе Ограниченного контингента советских войск. А летом 86-го, при проведении разведывательного полета в районе города Джелалабада, уже после заявлений Михаила Горбачева о намерении вывести наши войска из Афганистана, МИГ-21-бис полковника Титова был подбит из американского переносного зенитно-ракетного комплекса «Стингер». Это было одно из первых применений Стингера против наших самолетов в Афга-

нистане. И это было очень успешное применение.

Семен успел катапультироваться, но было ли это его удачей или наоборот проклятием – он сам до конца своих дней так и не решил. После катапультирования его, потерявшего сознание, захватили местные крестьяне и переправили родственникам, куда-то на восток, на границу с Пакистаном. С одной стороны, Семен был ценным пленником, за советского летчика можно было получить хорошие деньги от любой из сторон конфликта, хоть от русских, хоть от моджахедов. А с другой стороны, ненависть дремучих горцев к советскому специалисту, бомбившему их села, была столь велика, что поймавшее Титова семейство было вынуждено даже охранять его от своих же соплеменников. Круглосуточная охрана и трехметровая глубина зиндана, в котором держали Семена, не оставляла ни малейшего шанса на побег.

Один раз в день летчику кидали в яму одну или две треугольные лепешки наан, чаще всего уже высохшие и измазанные глиной. Несколько раз, судя по словам мальчишки-переводчика по пятницам, Семену давали миску тушеных овощей, в которой так же попадались комки глины. Один раз в день Семену спускали шаткую лестницу и он вылезал на поверхность. Ему давали десять минут на туалет, потом ставили на колени перед низким оружейным ящиком, привязывали вытянутые руки к торчащим деревяшкам и с ним начинали беседовать, настойчиво предлагая перейти в ислам. Несколько раз Семен начинал было сопротивляться,

но заканчивалось это тем, что его избивали сначала палками, а затем ногами, и спускали по лесенке обратно в яму. Поэтому он перестал сопротивляться физически, а начал концентрироваться на внутреннем состоянии, пытаясь раствориться в своих мыслях, абстрагироваться от своего тела и от тех мучений, которым он подвергался. Семен не был религиозным человеком, напротив, как почти все летчики советской армии, он был коммунистом. Но он почему-то не мог даже на словах отречься от икон, которые с детства видел бережно сохраняемыми своим отцом и дедом в их старом доме в Краснодаре. И чем тверже Титов отказывался от смены веры, тем жестче становился беседовавший с ним афганец. А однажды, спустя тридцать-сорок дней плена (Семен не был уверен в том, сколько дней он провел в плену), местный мулла сообщил Семену, что его продали в другую деревню. К тому моменту на левой руке у Титова уже не осталось ногтей. Их вырывал, предварительно загнав под них тонкие щепочки, седобородый старец, мулла деревни, ласково убеждавший Титова принять ислам. Иногда старик передавал щипцы подростку, пацану лет двенадцати-тринадцати, который переводил его слова для Семена на плохой английский. Подросток, не переставая рассказывать Титову, какие радости ждут правоверных и какие муки уготованы шурави, легко брал его палец, защипывал кончиком плоскогубцев отросший ноготь и начинал очень медленно тянуть. Сломав Семену ноготь, мальчишка спокойно бросал плоскогубцы или

молоток под стол и бежал запускать воздушного змея.

Мулла, сообщивший Титову через мальчишку новость о его продаже, почти ласково сказал, что он зря не согласился стать мусульманином и остаться в их деревне и что теперь он действительно пожалеет о том, что приехал в их страну. На Титова надели грубую деревянную колодку, больно саднящую кожу шеи и плеч и впивающуюся в запястья. И словно скотину, хворостиной, под смех детворы и летящие ему в голову камушки, бросаемые мальчишками, погнали куда-то в горы.

Перегон, а иначе это назвать было нельзя, пленника через горы занял почти весь день. Ботинки, как и всю форму, с Семена сняли еще в первые дни его плена. Одет летчик был в старые, грязные, спадающие широкими серо-коричневыми волнами штаны партуг с завязкой из обрывка какой-то серой бечевки. Рубаха перухан напротив, была Семену мала и бугрилась на плечах и спине даже после голодания в плену. На ногах у летчика были сандалии, сделанные из старой автомобильной покрышки.

Новый кишлак ничем не отличался от старого. Такой же глубокий зиндан, такой же древний седобородый старик в белой чалме, белых штанах и рубахе, поверх которой надет жилет, монотонно бубнящий что-то черноволосому мальчишке, который переводит все сказанное на такой же дрянной английский. Так продолжалось еще два дня, при этом

Семена не пытали, во время бесед он сидел на коленях упершись руками в землю и по-настоящему отдыхал, стараясь надышаться воздухом на весь следующий день. Только один раз его избили палками в новой деревне, в самый первый день, перед тем как впервые забросить его в зиндан, но это было сделано как-то не очень активно, скорее для проформы.

А вот на третий день все изменилось. Семена вытащили из ямы не как обычно, под вечер, а днем, в самый солнцепек. Вокруг были не афганские крестьяне, а шестеро европейцев, хоть и одетых в афганские партуг и перухан и с шапкой пакуль на головах. Но на ногах у них были одинаковые, песочного цвета, берцы на высокой шнуровке. У пятерых на плечах, дулами вниз, висели советские 7,62-миллиметровые автоматы АКМС. Один из солдат, а судя по выправке, с которой они стояли, и по тому, как держали оружие, это были именно солдаты, подошел к Семену и на чистом русском спросил:

– Ты левша или правша?

Семен чуть опешил. Он автоматически опустил взгляд на свою изуродованную левую руку с распухшими, похожими на сосиски, испачканные томатным соусом пальцы, потом перевел взгляд на правую руку, с обломанными, грязными ногтями, покрытую ссадинами и глубокими царапинами, но все же целую, по сравнению с левой.

– Правша.

– Вот и здорово, тогда пойдем помоешься и поедим плов. У них тут просто совершенно исключительный плов, они его с изюмом, орехами и финиками готовят. Я им свежего ягненка привез, так что в мясе можно быть точно уверенным, – говоря это солдат добродушно улыбался и приветливо показывал рукой в сторону какого-то сарая, на крышу которого установили железную ржаво-синего цвета бочку, – иди в душ, а мы тебя здесь подождем, без тебя за стол не сядем.

– А если левша?

– Что что? – Солдат уже обернувшийся к своим товарищам снова посмотрел на Семена.

– А если бы я был левша? – Еще раз спросил Семен, хотя уже знал ответ.

– Ну, если бы ты был левшой, то тебя бы расстреляли, – так же добродушно улыбаясь ответил солдат и снова повернулся к своим товарищам.

– У них нет столов. Так что, за стол мы с тобой не сядем, – тихо сказал Семен и медленно пошел в сторону сарая с бочкой.

Следующие две недели стали для Семена настоящим адом. Шестерка солдат оказалась западными наемниками, помогающими моджахедам в войне против советских войск. Две недели Семена склоняли к сотрудничеству, к переходу на запад, к публичным выступлениям, осуждающим советскую агрессию против свободы Афганистана. Правая рука

нужна была для того, чтобы он мог писать письма и их можно было бы идентифицировать по почерку. А вот левая рука им была не нужна…

В отличии от афганского муллы, эти спецы действовали не грязными плоскогубцами и щепочками, а стерильными стальными скальпелями и иголками. Разумеется, анестезии не было ни там, ни там.

От боли Семен стал совершенно седым. Пальцы на левой руке за две недели отрезали. По кусочку. Буквально по сантиметру. Каждый день Семена выволакивали из ямы, привязывали кожаными ремнями к деревянному креслу и «беседовали». После бесед раны обрабатывали антисептиками и бросали его обратно в зиндан. Иногда Семену приходила мысль размотать перевязки и измазать раны землей, чтобы получить заражение и умереть. Вот только это был бы побег. А он не мог сбежать. Для него этот зиндан был его полем боя. Иногда, в короткие минуты забытья, когда боль переходила некий порог и становилась уже не чем-то выкручивающим мышцы и взрывающим мозг, а просто фоном, постоянным фоном его существования, иногда в такие минуты Семен начинал видеть своего отца, прошедшего всю войну и написавшего на стенах Рейхстага «Здесь были кубанские казаки». Тогда же, распластавшись на глиняном полу афганской ямы и глядя через деревянную решетку на такие близкие звезды, летчик и коммунист Семен Титов поверил в Бога и тихим шёпотом произнес свою первую молитву. Он не просил у Бо-

га ни свободы, ни смерти, ни мести своим мучителям. Он просил Всевышнего дать ему силы вынести это испытание и не предать. Не предать своего отца, деда, своих сыновей и свою жену. Семен знал, если он согласится на предложение, он уже никогда не сможет смотреть в глаза своим родным, ушедшим и живым.

А потом была ночь и взрывы, и крики афганцев. Взрывом с зиндана смело деревянную решетку и Семена присыпало комьями глины и песком. Но даже без решетки выбраться наверх по вертикальным стенам Семен не смог. Несколько часов он пытался осыпать землю и таким образом выбраться на поверхность. Но смог набить только холмик с пол метра высотой. Так на этом холмике его и сморил тяжелый сон.

А когда рассвело, Семен проснулся от русского мата, который слышался сверху. Одновременно плача и смеясь Семен начал кричать и вот на фоне голубого неба появилась лопоухая голова в песочной панаме с красной звездой.

Глава 3

Я пристегнут к не знакомой мне блондинке в подсобке бара, мне в живот смотрит пистолет. Скоро мой тридцать седьмой день рождения. Скучно.

– Итак, кто ты такой, Максим? – Тот мужик, который был повыше явно лидировал в их дуэте. – Я вижу, что ты слишком спокоен для случайного прохожего, так посторонний человек себя под дулом пистолета не ведет. Поэтому пожалуйста, из уважения к моему интеллекту, не говори, что ты просто случайно зашел выпить кофе с тортиком.

– С пирогом, у них тут чудесный пирог с вишней. Не сами готовят, шеф-повар приходит к двум, сейчас только Галя на хозяйстве, пирог они из пекарни получают. С кофе – уммм, просто изумительно, очень рекомендую, – говоря это я с откровенной ухмылкой смотрел на высокого в сером костюме, – вот видишь, я не говорю того, что ты просишь не говорить.

– Максим, я вижу, что ты не глупый человек, подумай, какой смысл тебе меня злить?

– Он и правда тут ни при чем, я его впервые вижу, он просто хотел со мной познакомиться, хотел ко мне за столик присесть, – моя соседка проговорила это даже не поднимая голову. – Давайте уже или застрелите его, или прогоните. И будем разговаривать.

– Оооо, Ирина Николаевна, а вот теперь я тем более уверен, что Максим тут совершенно при чем. Прям таки по макушку при чем. Я знаете ли, ваше дело та почитал, вы та еще, шпионка, Мата Хари, или как вас там ваш хозяин называет, я вот в ваших фамилиях запутался если честно. Но чтобы вы, интеллигентная барышня, так рекомендовали застрелить человека, ну право, грубо.

– Товарищи, – я быстро посмотрел на всех троих, – я бы рад с вами тут посидеть полялякать, да вот времени правда в обрез. Давайте, вы сэкономите себе трудочасы и мы разойдемся? А я со своей стороны обещаю рассказать друзьям, как чуть не обделался, попав в лапы к настоящим бандитам.

Я все еще был на сто процентов уверен, что это очередная глупая инициатива одного из моих друзей. Это явные актеры, ну максимум, нанятые для сценки полицейские. Будь они и вправду на службе, пристегнуть правую руку женщины и левую мужчины? При том, что мужчина наверняка более опасен? Ну нет, даже самый не опытный полицейский надел бы наручники наоборот. Спрашивать имя нанимателя, чтобы пообщаться с этим моим «другом» я не стал. Все равно им, актерам, оно не известно. У них наверняка есть руководитель, который и организовывает такие квесты.

Усмешка Ирины и злобный взгляд высокого мне очень не понравились. Но еще больше мне не понравилось то, что низкий мужик зашел ко мне за спину и положил руку мне

на плечо. Стоящий человек может легко контролировать сидящего перед собой. А учитывая, что одна моя рука была пристегнута наручником к руке женщины, моя свобода действий стала очень ограниченной.

Правой рукой синий костюм залез ко мне во внутренние карманы пиджака, сначала в левый, пустой, потом в правый. Я ношу документы только в правом кармане, привычка осталась еще со студенческих времен, когда я ездил в общественном транспорте. Все карманники настроены на работу с правшами, ведь их больше. Поэтому они тренируются вытаскивать вещи из левых карманов, в которых большинству людей удобнее носить кошельки. Сегодня, кроме шелкового носового платка и старенького телефона BlackBerry у меня в карманах была лишь одна кредитная карта, Мастер Кард Сити Банка, Citigroup Black Chairman Card на имя Max Roman. Не удивляйтесь, что на карте не совсем мое имя написано. Это сделано по многим причинам. И это не только безопасность. По имени Макс Роман определить национальность человека практически невозможно. Да что там говорить, тут понять где имя где фамилия нельзя! Такое имя, плюс свободный английский, зачастую помогают мне быть своим практически в любой европейской стране, иногда это очень помогает.

Мужик передал кредитку и телефон высокому в сером костюме, тот внимательно рассмотрел телефон, понажимал на кнопки и на экран, разумеется не разбудив этим устройство,

затем положил телефон в левый боковой карман пиджака, отчего тот еще больше провис и стал похож на мешок. Мужчина переключил внимание на кредитку, покрутил между пальцами, зачем-то несколько раз перевернул и поскреб по выпуклым буквам имени ногтем.

– Сити банк? У нас он только в Фестивальном микрорайоне, даже банкоматов их пара-тройка всего по городу. Ты москвич, Максим? По фамилии – цыган, но лицо слишком уж светлое. Что за фамилия такая, Роман? Ты не Романович? Смешно было бы. Кто ты, Макс Роман?

– Ты же понимаешь, что на такой общий вопрос я дам тебе, если конечно захочу, очень общий ответ, типа «человек», «мужчина», «россиянин»? – Я спокойно смотрел ему в глаза и самую малость улыбался. Я видел, что он прям таки начинает закипать от злости и еле сдерживает себя. Странно, чего бы ему так близко к сердцу принимать свою роль?

– Я еще раз повторю свой вопрос, последний раз повторю. Максим, очень прошу ответить честно. Не для тебя, для себя прошу. Видишь, как я откровенен? Тебе от ответа ничего не будет. А меня ты тем самым избавишь от необходимости бить тебя. Руками я тебя бить не стану, это только в фильмах можно ударить без риска свою же руку повредить. А вот ключицу тебе сломать пистолетом я могу и прям таки уже готов. Пожалуйста, избавь меня от этого, я правда не садист и не хочу тебя бить. Но если ты меня вынудишь, я это сделаю. Итак, Максим, скажи, ты казак?

Сказать, что я опешил – ничего не сказать. Казак? Его интересует казак ли я? Что за бред и абсурд. Кто, чей воспаленный мозг писал им сценарий?

– Вопрос не имеющий однозначного ответа. Я родился в Краснодаре, мои предки жили на Кубани уже лет двести назад. С большой долей вероятности кто-то из них был казаком. А в чем интерес? Вы только казаков к женщинам пристегиваете, или наоборот, если я казак – вы извинитесь и дадите мне мой пирог доесть?

– Ну все!

С этими словами высокий кивнул мужику в темно синем костюме, стоящему у меня за спиной. С моего плеча убрали руку, я инстинктивно повел голову вправо и наверх, чтобы увидеть того, кто стоял за мной, но в этот момент мне на голову резко натянули прозрачный полиэтиленовый пакет. Как и откуда его достали так быстро я не понял, да и думать об этом смысла не было. Я лишь инстинктивно набрал побольше воздуха в грудь и при этом с максимально большого размаха ударил правым локтем в пах стоящего за мною. Вернее сказать, ударил я пустоту, лишь слегка задев его правое бедро. Пакет плотно прижали к моей шее, я инстинктивно еще раз вдохнул и полиэтилен плотно прилип к моим губам, надулся пузырем, только вот надулся внутрь меня.

Если вам надевают на голову пакет люди с пистолетами,

при этом вы находитесь в подсобке ресторана, где наверняка много ножей, то с большой долей вероятности вас не хотят убить. Скорее всего вас просто пытают. Вот только я не мазохист, и не то, что удовольствия от физической боли не получаю, я еще и очень злюсь на тех, кто мне эту боль причиняет. Злость очень плохой советчик в бизнесе, в любой интеллектуальной деятельности. Но в то же время она – отличный помощник в физической схватке. И в этот момент я никак не сдерживал свою злость! Что есть силы я ударил правым кулаком вверх и назад, рассчитывая, что именно там, над моей головой, находится голова душившего меня мужика. И по тому, что чвакающий звук я услышал даже в пакете, плюс по ощущению сминаемой плоти под кулаком, я понял, что достиг цели. Давление мне на плечи чуть ослабло, и на реверсе, опуская руки из-за головы, я схватил пакет и сдернул его.

– Сссука, губу разбил, Сереж, можно я ему ухо отрежу? – Мужик в темно синем костюме прям таки выпрыгнул у меня из-за спины и выхватил из кармана складной нож.

Вопрос низкого окончательно подтвердил мою догадку о руководящей роли высокого в этом тандеме. Понятно, значит разговаривать нужно с ним.

– Нет, я сам его сейчас зарежу, – сказал высокий в сером.

– Не надо никого резать, он правда не наш, – тихо проговорила женщина. – По крайней мере не надо никого резать пока он ко мне пристегнут, – при этом она приподняла свою

правую руку, как бы напоминая всем, что все еще пристегнута наручниками к потенциальному трупу.

В этот момент из коридора, со стороны бара, раздался грохот падения чего-то большого и стеклянного.

– Ты официантку успокоил? – Злобно глянул на напарника Сергей.

– Я ее придушил и к стеллажам скотчем примотал, там у них скотч был…

– Придушил… Проверь! – Мужчина в сером все еще держал в руках пистолет и сейчас почесывал дулом правую скулу. – И заодно выключи музыку и найди табличку «закрыто», не хватало, чтобы еще кто-то пивом похмелиться приперся. Бегом!

Низкий выбежал в дверь и прикрыл ее за собой. Серый костюм переложил пистолет в левую руку, поддернул брюки и наклонил корпус ко мне так, что его глаза смотрели на меня близко-близко и меня прям таки обдало несвежим дыханием курящего человека, который очень долго жевал мятную жвачку. Как бы в задумчивости он поднял правую руку и медленно почесал свой затылок. Я не люблю курящих людей, вернее, я их не понимаю. Как можно добровольно травить себя, да еще и таким вонючим способом? Из-за неприятного запаха я невольно отвел лицо вниз и в сторону и пропустил момент удара. А он был хорош. Открытой ладонью, чуть сложенной лодочкой, ровно по центру уха. От такого удара вполне можно было и оглохнуть, хорошо, что высокий уда-

рил явно не в полную силу, хотя и очень близко к тому. Моя голова дернулась, почти прикоснувшись к правому плечу. В ухе моментально раздался оглушительный звон. Острая боль пронзила голову. Это элементарная физика. При ударе ладонью создается колоссальное давление, которое легко может надорвать барабанную перепонку. Это может привести к крайне плачевным и серьезным последствиям, вплоть до потери слуха. Эту скверную мысль я обдумал за долю секунды, как только отошел от шока. А за следующие две секунды я понял еще две, крайне важные и очень неприятные для меня вещи.

Во-первых, вся эта ситуация – никакая не игра, шутка, розыгрыш или постановка от моих друзей. Не тот у меня статус в моем окружении и не такие у меня знакомые, что могут позволить исполнителям так меня ударить. Это был хоть и профессиональный, приносящий сильный дискомфорт и не оставляющий никаких видимых подтверждений, но еще и очень рискованный удар. Приложи серый чуть больше усилий, отведи руку в замахе на десяток сантиметров дальше и ударь он чуть резче – моя барабанная перепонка лопнула бы под напором врывающегося в ухо воздуха. Актер никогда бы не стал так бить, он бы продолжал пугать меня пистолетом, или разыграл бы избиение блондинки. Но рисковать моим здоровьем ни один актер бы не стал. А значит эти двое и блондинка – не актеры.

Во-вторых, я понял, что оба моих визави, и высокий серый, и низкий синий костюмы – однозначно полицейские. Это у них там, на западе, полицейский, даже самый коррумпированный, замрет, замешкается перед ударом невиновного человека. Это у них в крови, «служить и защищать». Про этот инстинкт бить только для самообороны в их полицейских мне как-то рассказал мой знакомый американский ресторатор, который набирал себе в клубы охранников исключительно из бывших или работающих полицейских. У нас наоборот. Часто в полицию идут самые угнетенные и отверженные парни. Я ни в коем случае не говорю, что все полицейские подвергались в детстве унижениям. Слава Богу большинство полицейских реально хотят защищать закон и справедливость. Но все же. Готовность первым напасть на противника в качестве защиты – это то, что есть почти во всех наших служителях порядка. Это не они плохие, это способ выжить. Нападение лучшая защита. Это в милицейских ВУЗах и школах с первых дней курсанты понимают. Ну а отсюда и до нападения просто как нападения не так далеко. А если на почву юношеских комплексов это ложится, плюс обучение, дающее ощущение «умения», да еще и власть от «корочек» в кармане… Вот и получаем коктейль садистов-нарциссов с комплексом неполноценности в форме. Еще раз, не все полицейские таковы, но в этой профессии таких людей просто больше чем, например, среди врачей, или пожарных, или даже военных.

Судя по лицу высокого, по тому как он прямо-таки искал глазами на моем лице боль, он пошел в полицию именно за такими вот победами над скованными соперниками. Тут же встали на свои места и дешевые рубашки, и стоптанные ботинки, и копеечные кварцевые Orient на руках. Злобные и не умные люди, застрявшие на позициях бегунков в подчинении более мудрых или удачливых коллег. Теперь на то, что у них в левом внутреннем кармане пиджаков лежат ксивы Министерства Внутренних Дел, причем обязательно в «дорогой» обложке из кожзама – я готов был поставить тысячу долларов против десятки.

Итак, ситуация за три секунды сменилась с благостно скучной на серьезно угрожающую. Понятно, что мужики взяли меня исключительно из-за моего разговора с блондинкой. По всей видимости она должна была с кем-то встретиться в кафе, и они следили за нею для того, чтобы выяснить с кем. Ну а я, со своим желанием послушать хорошую музыку и выпить чашку кофе, нечаянно вошел в их игру. Ее они назвали по имени, даже упомянули наличие «ее дела», которое они изучили. А вот кто такой я – их интересует уже в перспективе связи меня и блондинки. Имя с кредитки им ничего не даст, телефон они даже всем своим ИТ отделом не разблокируют. Человек я не медийный, увидеть меня на экране или в журнале они не могли. Мои немногочисленные интервью и фото можно найти только в специализированных

бизнес изданиях, так что узнать меня в лицо они никак не могут. И значит я для них – просто материал, с которым нужно работать, причем судя по поведению, рамками закона в работе они себя ограничивать не собираются. Это скверно. Очень скверно. За жизнь я не переживал, мы, все-таки, не в салуне на диком западе и они не откровенные бандиты. Но вот очень реальная перспектива быть избитым настойчиво замаячила у меня перед глазами.

Итак, Краснодар, подсобка кафе на улице Красной, я по-прежнему пристегнут наручниками к не знакомой мне женщине. Вот только мне уже совершенно не скучно.

Глава 4

Возвращение Семена Титова в СССР заняло почти неделю. Освободили его солдаты десантно-штурмовой маневренной группы, заброшенные в район на вертолете. Десантники совершенно случайно были обнаружены моджахедами и втянуты в боестолкновение, в результате которого и был освобожден Семен. Вызывать вертушку для вывоза найденного летчика командир группы посчитал риском для боевой задачи и Семен еще четыре дня перемещался по горам вместе с отрядом спецназа. Несмотря на чудовищное истощение и раны, он не был обузой и даже участвовал в охранении.

А потом был возврат на точку высадки и темно-серый, матовый Ми-8МТ двадцать третьего отдельного пограничного авиационного полка, забрал группу и доставил их на базу в район Душанбе.

Дальше были месяцы сначала в госпитале Среднеазиатского пограничного округа в Душанбе, несколько операций на левой руке, а потом была Москва, госпиталь Бурденко. Снова операции и в итоге ампутация левой руки по локоть. И в Душанбе, и в госпитальной палате в Москве практически каждый день с Семеном беседовали военные следователи, выясняя почти поминутный ход событий последних месяцев жизни Семена. Вылет, плен, освобождение. Особенно их ин-

тересовали беседы с натовскими специалистами. От Семена требовали дословного воспроизведения каждого разговора. Разные следователи задавали разные вопросы, смысл которых сводился к одному: Семену не верили. Не верили, что человек может пройти через такие физические испытания и не сломаться. Не верили, что Семен не предал. Ему показывали сотни фотоснимков с требованием узнать на них контакты. Рассказывали, как строго относится закон к предателям, но как он мягок к искренне раскаявшимся оступившимся солдатам. Злобные следователи, тыкавшие Семену в грудь пальцем и открыто называвшие его предателем, сменялись мягкими добродушными контрразведчиками, с мудрыми добрыми глазами, которые тихо и как-то отстраненно говорили, что понимают Семена и сами тоже бы не выдержали пыток. Спустя две недели такого лечения Семен все так же твердо говорил о том, что он всегда был и остается верен присяге. И если в контрразведке служат люди, способные на предательство, то в ВВС таких людей нет. На исходе второй недели полковнику Титову показалось, что ему поверили. Умом он хорошо понимал, что побывавший в плену должен пройти проверку и искренне старался помочь своим товарищам, отвечая на все вопросы предельно подробно и откровенно.

На третьей неделе пребывания в Москве, спустя почти четыре месяца после того вылета, Семен наконец встретился с женой и сыновьями. Это тоже было для него сигналом, что

проверка пройдена и он возвращается, насколько это возможно, к службе.

Титов смирился с тем, что ему уже не быть командиром действующей боевой машины, уже не будет командировок в горячие точки, он не будет со штурвалом в руках защищать интересы Родины в чужом небе. Но уйти на пенсию, отойти от дел и заняться огородом Семен не мог. Несколько дней, еще в госпитале, Семен обсуждал с женой Клавдией их дальнейшую судьбу. Семен ожидал предложений от командования о работе в Москве, в Министерстве Обороны. На том, что такое предложение обязательно будет и его непременно нужно принять настаивала жена. А вот сам Семен хотел уйти в преподавание. Он хотел вернуться в родной Краснодар и получить кафедру в Краснодарском высшем военном авиационном училище. Но случилось все иначе.

В конце декабря 1986 полковник Титов был комиссован из рядов Вооруженных Сил СССР. А перед увольнением у Семена было несколько встреч с людьми в серых невзрачных костюмах, которые очень доходчиво объяснили ему, что после плена его на пушечный выстрел к секретным материалам не подпустят. А служба офицером без допуска, тем более в авиации, не возможна. Поэтому либо Семен благодарно и, главное, молча принимает отставку, либо им продолжает заниматься Главное Разведывательное Управление и его выводят на показательный процесс, обвинив в нарушении прися-

ги.

Так в неполные сорок лет Семен Титов стал инвалидом и отставником.

В начале 87го года семья Титовых вернулась в Краснодар. За копейки сняли у бывших знакомых саманную времянку. Устроили детей, Гришу и Ивана, в школу. Клавдия пошла в эту же школу учителем русского языка и литературы. Семен попытался устроиться на работу преподавателем. Сначала в родное летное училище, потом, после отказа, он пробовал попасть на военную кафедру Кубанского Государственного Университета, Политеха, Аграрного. Но везде ему сначала с радостью назначали встречу с ректором, ведь он был героем, целым полковников! А вот через несколько дней ему возвращали документы и, смущенно отводя глаза, говорили о том, что «второй отдел» не рекомендует брать на работу преподавателем полковника Титова.

Несколько месяцев, вплоть до лета 1987 года, Семен пробовал устроиться на работу. Сначала в ВУЗы, потом в школы, учителем ОБЖ. И везде был один ответ, отказ.

В июле 87го Григорий Титов, впервые за свои тринадцать лет, увидел отца пьяным. Семена не сломали ни моджахеды, ни западные спецы. Его сломали наши контрразведчики. Семен начал выпивать. Сначала тихо дома, на маленькой кухоньке сидя за покрытым вышитой скатертью столом. Потом

все чаще он стал уходить из дома утром и возвращаться уже под вечер, пьяным и грязным, как будто весь день пил где-то под забором. Клавдия пробовала разговаривать с мужем. Дети, и подросток Гриша и девятилетний Иван, просили отца остановиться. Но Семен только смотрел на них влажными от слез глазами и ничего не говоря снова уходил из дома. Так продолжалось несколько месяцев, вплоть до ноября. Пенсии Семена и зарплаты Клавдии едва хватало на еду и оплату времянки. И Гриша, и Иван, всегда учившиеся на отлично, скатились до троек.

Но все изменилось на ноябрьские праздники. В тот год 7 ноября пришлось на субботу, поэтому страна отдыхала целых два дня, 7го и 8го ноября. Как всегда, всю субботу Семен провел неизвестно где, вернулся домой пьяным и сразу же завалился спать. В воскресенье он проснулся поздно, семья уже позавтракала и Клавдия с сыновьями, как всегда по воскресеньям, занималась генеральной уборкой дома. Семен чуть умылся под умывальником во дворе и, ни с кем не разговаривая, ушел. Но вернулся он неожиданно рано, часа через четыре, причем вернулся не один. С ним пришел какой-то пожилой, но крепкий мужик. Вернее, даже не с ним пришел, а притащил на своем плече уже изрядно выпившего Семена. Мужик, на вид лет шестидесяти пяти, представился Клавдии Захаром Ивановичем, знакомым отца Семена. Он бережно уложил пьяного на диван и собирался было уже уйти, но как-то странно оглядел скромную времянку, в кото-

рой ютилась семья Титовых, взглянул на Клавдию и попросил чаю. О чем Клавдия и Захар Иванович разговаривали следующие три часа Гриша и Иван не слышали, их мать отправила играть во двор. Но после этого жизнь Титовых круто поменялась.

Захар Иванович оказался не просто старым товарищем отца Семена, но и действующим участником казачьего движения, которое несмотря на все гонения коммунистической власти все еще сохранилось на Кубани. И он был не просто рядовым казаком, я кем-то чуть ли не помощником руководителя всего казачества Краснодарского края.

С этого дня Захар Иванович стал частым гостем в доме Титовых. Приходил и один, и с друзьями. Подолгу сидели с Семеном и Клавдией на кухне, пили ароматный чай с мятой и о чем-то негромко разговаривали.

Семен, совершенно прекратил пить. По рекомендации Захара Ивановича Семен начал работать в Кубанском Казачьем хоре, кстати сказать этот хор – единственный в России творческий коллектив, имеющий непрерывную историю аж с XIX века, он был организован в 1811 году. Так вот, сначала Семен работал охранником, а в 1991, когда при хоре открылась школа-интернат для одаренных детей, Семен стал в ней работать сторожем. Семья переехала в отдельную двухкомнатную квартирку в трехэтажном доме довоенной постройки в районе улицы Володарского, на Покровке. Клавдия пере-

шла в тридцатую школу, ту, что под Северным мостом. Тем самым мостом, который за пятнадцать лет до этого лично выбил для Краснодара у Леонида Ильича Брежнева его друг, тогдашний 1-й секретарь Краснодарского крайкома КПСС Сергей Федорович Медунов.

Семен всегда любил петь и имел красивый драматический баритон. Много раз артисты хора, случайно подслушав, как Семен напевает себе под нос песни из их репертуара, предлагали ему попробовать себя на сцене, но он все время отказывался, ссылаясь на свое увечье, мол, куда ему однорукому на сцену.

За эти годы Семен очень сдружился с Захаром Ивановичем и его друзьями-казаками. Стал регулярно бывать на их сборах, которые проводили, разумеется под присмотром и с участием представителей горкома партии.

Постепенно идеями казачества прониклись и оба сына, Гриша и Иван. По началу для них это была забава, им было интересно поиграть с шашками, покататься на лошадях (у казаков был конезавод в станице под Краснодаром), послушать истории про подвиги казаков на войне. А потом, как-то незаметно для них самих, идеи защиты своих близких, своего края, своей страны – стали идеями парней. Не было никаких церемоний или инициаций, не было рюмки водки с шашки, не было присяги у знамени или каких-то клятв в верности на иконе. Просто с какого-то момента Гриша и Иван уже сами себя считали казаками. И их иначе, как казаками,

никто уже не воспринимал.

Глава 5

Краснодар, подсобка кафе на улице Красной, я по-прежнему пристегнут наручниками к не знакомой мне женщине. И мне совершенно не скучно.

Человечеству несколько миллионов лет. И все эти долгие годы наш мозг непрерывно развивался под влиянием внешней среды. Но как бы далеко мы в своем развитии не отошли от наших предков, мы остаемся все теми же животными, действия которых в критической ситуации обусловлены нашими животными инстинктами.

В случае опасности наша первая реакция диктуется рептильным мозгом, который отвечает за выживание. И тут возможны всего три варианта: бей, беги или замри. Других вариантов нет. Большинство людей на опасность реагируют бегством или ступором. И только малая часть бьет. Вспомните, в YouTube множество роликов, в которых мальчишка в страшной маске выпрыгивает из-за угла на прохожего. Примерно пять человек тут же развернутся и убегут, пятеро замрут как вкопанные, и только один ударит страшилище. Это не трусость или храбрость. Это инстинкт, работа нашего рептильного мозга, которому миллионы лет. Мой всегда выдает одну реакцию – уничтожить опасность. И сейчас у меня совершенно инстинктивно сжались кулаки.

После работы рептильного мозга вступает в дело лимби-

ческая система, которая отвечает за эмоции и отношение к происходящему. Именно она дает нам знать, хорошо или плохо то, что с нами сейчас происходит. Наша лимбическая система говорит нам, что все хорошо, можно не переживать, или что нужно оставаться в стрессе так как все плохо и опасность еще не ушла. Моя – прям-таки кричала мне, что все плохо и я нахожусь в опасности.

Ну а дальше в игру вступает неокортекс, кора. Этой штукой обладаем только мы, люди, высшие млекопитающие. Именно кора головного мозга говорит нам, что следует делать дальше, эта часть мозга отвечает за принятие решений. Она решает, расхохотаться нам, рассмотрев, что из-за угла выскочил дурачок в маске Кинг-Конга, или все же лучше убежать потому что это на самом деле горилла.

Итак, что я имею? Двое мужиков, явно служат в органах, на достаточно низких должностях, имеют табельное, скорее всего опера. Здесь они не на официальном задании, а по заказу, то есть за деньги. Хотя… Ведут себя достаточно уверенно, видно, что это у них совершенно не первая такая шабашка. Но по дешевым часам, одежде, ботинкам, по машинной стрижке и не здоровым лицам, по всему видно, что товарищи даже не то, что не богаты, а так себе, плюс минус ниже среднего. Коррумпированные полицейские не такие, я встречал майоров с часами подороже моей Омеги. Тааак, похоже товарищи работают не за деньги. Опять же судя по ли-

цам они оба склонны выпить, и вообще то, что после сорока лет они работают на улице, во фронте, это тоже о чем-то да говорит. Значит их наниматель просто владеет ими на основе какой-то о них информации, взяв их себе в собственность за какой-то их порок. Это и хорошо для меня, можно попробовать их купить, такие люди обычно жадные и глупые, но с другой стороны, они могут бояться своего нанимателя больше, чем любить деньги. И тогда их не перекупишь, тогда их нужно обыгрывать. Вопросов, что мне делать, в данной ситуации не возникало. Задача предельно простая, мне нужно уничтожить противника и не пострадать самому. Это моя цель, которую мне устанавливает мой неокортекс. Ну а дальше на эту цель, в эту мою с ними партитуру, я уже накидываю шаги-ноты, причем не только за себя, мне еще и их шаги нужно прописать и сделать так, чтобы они их прошли. Итак, задача: нейтрализовать сначала лидера, темно-серого Сергея, затем его более низкого и плотного напарника, потом решить вопрос наручников и таким образом отделаться от блондинки и наконец покинуть этот чертов бар. Последовательность последних пунктов можно и не соблюсти. Осталось решить как. В лоб предложить деньги, заговорить или грубо нейтрализовать физически?

Все это я обдумал и решил за одну-две секунды. Итак, за несколько секунд обстановка сменилась на 180 градусов. Вернее, все осталось по-прежнему, наручники, два пистолета, блондинка. Это моя лимбическая система сменила оцен-

ку обстановки на диаметрально противоположную.

– Ты меня откровенно достал, Максим, – высокий переложил пистолет в правую руку и посмотрел на часы. – Я уже двадцать минут тут с тобой канителюсь вместо того, чтобы просто прострелить тебе колено и тогда ты очень быстро мне все расскажешь.

– Во-первых, ты не будешь стрелять мне в колено. И вообще стрелять ты не будешь. Ты не бандит, ты просто мелкий мент, которому нужно отчитываться за каждый патрон. Во-вторых, ты сам уже много раз сказал, что не знаешь, кто я. И ты просто зассышь меня увечить. – Говоря это я внимательно смотрел в глаза Сергея. Мне важно разозлить его до той степени, когда он перестанет мыслить логически, но при этом не привести его в бешенство, когда ему будет уже плевать на последствия и он действительно сможет выстрелить. – Тебе не дали четких инструкций о том, что делать со мной, а самодеятельность твой шеф не приемлет.

На слове «шеф» бровь Сергея чуть дрогнула, понятно, что тут я попал в цель. Но еще я увидел, как сжались скулы и побелели костяшки пальцев, ясно, что я уже чуть переборщил с провокацией и нужно сбавить его ненависть ко мне.

– И наконец, ты же мудрый человек, не просто исполнитель, ты мозг, ты знаешь, что половина ответа сидит в вопросе. А в твоем вопросе для меня нет ничего. Я реально не понимаю, что ты хочешь услышать в ответ на вопрос кто я. – Я постарался смотреть ему в глаза чуть смущенно, снизу

вверх, инстинктивно он должен воспринять этот взгляд как сигнал от побежденного, как признание его победы. – Задай свой вопрос еще раз, но конкретнее, что ты хочешь обо мне узнать. И тогда я решу, что я смогу тебе ответить. Только не вздумай меня еще раз ударить. Я пока еще не решил, что я с тобой буду делать, но если ты меня еще раз ударишь – твои шансы выйти из этой ситуации без потерь будут минимальны.

– Ой, Максим, ты меня лучше так не пугай, а то я от страха обоссусь так, что ты утонешь, – зло бросил Сергей.

Он несколько секунд изучал меня взглядом.

– Вообще, интересный ты мужик, Макс Роман. Странный даже я бы сказал. Тебя схватили бандиты, угрожают, бьют, а ты не визжишь, не истеришь, спокойно тут сидишь, рассуждаешь. А что это значит? А это значит, что ты к чему-то подобному готов, что ты в курсе ситуации и по любому в ней участвуешь. Только вот я не могу понять, ты с кем? То, что ты москвич я понимаю. И то, что ты приехал на укрепление тоже понятно. Только вот не понятно, ты из людей губера или ты казак? Ну что, теперь тебе достаточно информации в вопросе для ответа? Я повторюсь, Максим, ты казак?

Да, информации в вопросе на самом деле достаточно. Достаточно, но не для меня. Я разумеется знаком с кубанским губернатором, знаком с атаманом Кубанского Казачьего войска. А вот о том, что между ними конфликт я не знал. И уж

тем более я не знал о том, что их конфликт находится в столь острой фазе, когда их люди практически открыто вступают в конфронтацию друг с другом. Теперь мне нужно очень быстро сообразить, какое поведение будет для меня выгодным. У меня совершенно нет уверенности в том, что полицейские не будут меня больше бить. Более того, не зная всей картины я не могу быть уверен даже в том, что они не решатся на убийство. То, что мы в центре города, конечно увеличивает мои шансы на то, что они просто меня прессуют, но ставить на это я не готов.

По логике, человек спрашивая о принадлежности называет в первую очередь не ту сторону, к которой принадлежит сам. Кроме того, принадлежность ментов к казакам както сомнительна, они явно на официальной гос службе трудятся, просто сейчас на шабашке. Вернее, в данном случае это скорее факультативное, не официальное задание их руководства. Так что, по всему получается, что спрашивающий принадлежит администрации, губернаторской стороне. Хотя, повторюсь, я не люблю, когда мне делают больно и всячески избегаю делать ставку там, где проиграв, меня могут ударить а то и убить. Тааак. Вероятнее всего нужно выбрать принадлежность к губернатору, не к казакам. Но это не на сто процентов верный ответ. Мало, слишком мало данных. Еще Ирина, блондинка к которой меня приковали наручниками. Ирина Николаевна. Для сколь-либо значимой фигуры в игре губернатора и казаков она слишком молода. Не

то, что я недооцениваю силу молодых или возможности женщин. Просто я знаю, что у нас молодая девушка иметь вес в политике самостоятельно, не представлять кого-то, а именно сама что-то весить, не может. Значит жена, сестра или дочь. Либо невеста, возможно даже не самой фигуры, а сына. Да, слишком много возможностей, не стоит и гадать. Ну что же, поиграем. Сейчас я взорву ему мозг, дезориентирую, обозначу проблему, которую он создал и намекну, кто его из этой ситуации вытащит.

– Сергей, ты опять задал не правильный вопрос. Давай рассуждать вместе. Тебе шеф дал задание работать по Ирине. Снял с работы или вы с напарником взяли отгулы, не суть важно. Главное, вам поставили задачу работать по ней. А тут появляюсь я. Общаюсь с ней. И вы решили сымпровизировать. Не говори мне, что это был ваш план, затащить нас в подсобку кафе посреди центральной улицы Краснодара. Значит ты решился на не согласованный экспромт. Это хорошо, это здорово, когда сотрудник готов сделать что-то самостоятельно, взять на себя ответственность. А теперь неприятная для тебя новость. Импровизировать нужно уметь. Ну или хотя бы обладать некоей информацией, на основе которой можно делать не запланированные заранее шаги. А ты с твоим другом, прости за правду, стоишь в цепочке информированности очень и очень низко. На улице и в оперативной работе ты может быть и дока, а вот думать тебе пока еще самостоятельно не стоит. Кто тебе, Сережа, сказал, что

тут всего две стороны? Или ты считаешь, что раз губернатор столько лет сидит в своем кресле, и казаков никто не трогает, то это и есть реальная власть на Кубани? Ты у нас кто, капитан? На пенсию старлеем хотел бы выйти, а? Любая импровизация на работе тем и прекрасна, что за нее могут очень высоко поднять, ну а могут, как в твоем случае, показательно распять. Чью-то жопу обязательно попилят на сувениры. Как думаешь, чью? Твоего шефа, или твою?

Я специально подчеркивал, что решения принимал именно Сергей, не он и его напарник, а он сам. Этим я и почесывал его эго, подспудно давая понять, что в их тандеме он явный лидер, но и ответственность полностью возлагал на него. По моим прикидкам он сейчас должен крепко задуматься, ощутить сомнение. То, что он не очень мудр было понятно, поэтому ни к каким выводам он прийти не сможет, а будет оперировать исключительно в эмоциональной плоскости. Тревога, сомнение в своих действиях, страх ответственности. Именно это мне и нужно от него сейчас. Пусть начнет переживать за последствия своих действий. Этот типаж в такой ситуации просто перестанет что-либо делать. Он из того типа людей, которые в случае опасности или просто попадая в непонятную обстановку замирает.

Судя по лицу Сергея – задел. Взгляд его стал чуть поверхностным, брови сдвинулись к переносице, дуло пистолета опять пошло почесывать висок. Он явно задумался.

– Сергей, ты вот скажи мне, ты правда думал, что Москва

на эти ваши разборки в песочнице будет просто так смотреть? – Я максимально спокойно и даже чуть разочарованно смотрел ему в глаза и чуть-чуть покачивал головой, как делал бы отец, глядя на сглупившего мальчугана.

– Вот только не надо меня пугать последствиями, – говоря это Сергей опустил глаза и рассеянно стал выводить полукруг носком правого ботинка, являя прямо-таки классический пример невербального поведения растерянного и чувствующего вину человека. – Я все делал по инструкции, а то, что тут ты вписался, это не моя вина. А теперь, извини друг, но мне придется тебя просто грохнуть. Сам сказал, что ты птица залетная, а труп, сам понимаешь, никому ничего рассказать не сможет, никакой третьей стороне.

Таааак, а он решительнее, чем я предполагал. Я рассчитывал, что он впадет в ступор и я смогу перехватить его управление, с моим опытом ведения переговоров на это мне бы потребовалось минут пять-семь, но как видно, я переоценил его умственные способности. Есть такие люди. Как дети, которые закрывая глаза думают, что становятся невидимыми. А что, я не вижу, значит и меня не видят. То же самое. Устранить источник даже не проблемы, а того, кто об этой проблеме упомянул. А дальше все по схеме: «Я не слышу о проблеме, значит и никто не слышит».

– Ирина Николаевна, а вы сколько весите? Надеюсь не больше пятидесяти пяти? – Я повернулся к соседке и по-новому оценил ее фигуру.

– Максим, вы дурак? – Ирина оторвала взгляд от своих кроссовок и с удивлением посмотрела на меня. – Вас ведь и правда могут убить, меня они не тронут, а вы для них и правда непонятная фигура, которую проще сбросить с поля, чем разбираться, вы белыми или черными играете.

– Ну уж нет, Сергей не настолько туп, чтобы сделать второй за день не обдуманный поступок. Хватит с него того, что я вообще тут нахожусь и вижу все это. Рисковать головой и трогать меня он больше не будет, верно же, Сергей, или ты откровенно туп? – Мне самому противно от такой примитивной манипуляции. На любого человека с хоть каким-то умом это имело бы обратный эффект. Но я видел, что не просчитался. Сергей и впрямь в очередной раз впал в ступор и засомневался в принятом решении.

– Сергей, а знаешь… – Начав фразу я замолк и как бы непроизвольно взглянул на Ирину. Затем я чуть отклонился вправо, подальше от нее и нерешительным жестом, как бы в раздумье, пригласил Сергея приблизиться, при этом вдохнул ртом и сжал губы, как будто вот-вот что-то скажу.

Я сидел на ящике, Сергей стоял примерно в метре от меня. Теперь он сделал пару небольших шагов в мою сторону.

Я кистью правой руки показал ему, мол, присядь и приблизи ко мне лицо, скажу что-то важное. При этом я еще раз глянул на соседку и чуть скривил уголок рта, мол, не хочу, чтобы она слышала. Он, совершенно не задумываясь, так и сделал, поддернул брюки и присел на корточки, придвинув

ко мне свое лицо так, что его лоб оказался на уровне моих глаз и меня обдало его несвежее дыхание курильщика.

Вы знаете, что толщина лобной кости среднего человека пять-восемь миллиметров? А знаете, что форма яйца – это, наверное, самая прочная конструктивная форма на свете, выведенная эволюцией за много-много миллионов лет. А теперь совместите эти два посыла, и вот у вас уже есть надежное и достаточно страшное оружие. Да да, я про ваш лоб.

Так уж получилось, что с детства я не был хулиганом, не участвовал в драках с соседними районами, в школе драться конечно приходилось, но не часто, может раз пять-шесть, да и то, это были «честные» драки, до первой крови или до того, как противник падал на землю. То есть я совершенно, абсолютно, ни разу не боец. Да, я регулярно занимаюсь спортом. Да, я занимался со многими тренерами в том числе различным боевым школам и стилям. Кстати, знаменитый на всю Россию краснодарец Алексей Кадочников, основатель собственной боевой системы, тоже был некоторое время моим тренером. Боевыми искусствами я увлекался, наверное, месяцев девять. Пока один мой тренер не сказал мне совершенно откровенно, что толку от моих занятий будет мало. Лучше уж заниматься просто фитнесом. А вот для того, чтобы научиться постоять за себя в ситуации, когда рядом не будет охраны, или когда просто понадобится, как в песне у Цоя, «крепость руки», вот для этого мне нужно выучить дюжи-

ну приемов. Но выучить эти боевые приемы мне нужно так, чтобы тело просто на автомате выдавало результат. Итого, из девяти месяцев моего увлечения боевыми искусствами, я почти полгода практически ежедневно по полтора-два часа учил несколько ударов, захватов и подсечек. С разными спарринг партнерами, от гибких и резких до медлительных и весящих в два раза больше меня. В разной одежде, от плавок до шубы. На разной поверхности, даже помнится арендовал каток чтобы побороться на льду. И до сих пор я минимум раз в один-два месяца выделяю несколько часов не просто занятиям общей физической подготовкой, а именно спаррингу с обкаткой всех приемов. Поэтому я знал, что делать.

Сергей приблизил ко мне свое лицо, обдав меня запахом сигарет и ментоловой жвачки. Я, как бы в задумчивости, отклонил голову чуть назад, градусов на тридцать, заведя правую руку за затылок и в задумчивости почесывая ежик волос. При этом я опять сжал губы, давая понять, что вот сейчас я что-то скажу. Он инстинктивно еще больше приблизил ко мне голову. И вот тут я его ударил. Резкий кивок головы вперед и ровно то место, где начинается линия роста волос соприкасается с его носом. Помните, я говорил про крепость формы яйца? Именно на этой линии лоб имеет самую прочную конструкцию. Ну а нос это что? Это хрящик. И мой лоб не просто соприкоснулся с носом Сергея. Нет. Это был не робкий поцелуй нежного влюбленного, это был агрессивный акт проникновения злобного маньяка. Мой лоб не просто со-

прикоснулся с носом, он вмял, вжал все то, что торчало наружу внутрь головы, раздробив все что было на его пути в кровавое пюре.

Помимо крепости материалов, это еще и физика. Второй закон Ньютона. F=a*m. Сила равна произведению массы на ускорение. Вес костей головы среднего человека чуть больше килограмма, возьмем 1,2 кг. Мозг среднестатистического мужчины весит чуть больше, возьмем 1,4 кг. Кровь и всякие мозговые жидкости еще, наверное, граммов триста-четыреста. Итого имеем массу порядка трех килограмм. С расстояния в тридцать-сорок сантиметров моя голова приобрела ускорение, наверное, близкое к десяти метрам в секунду. Итого имеем силу удара тридцать ньютонов. Не много для боксера в перчатках с широким пятном контакта. А представьте, что местом приложения этой силы является хрупкий носовой хрящ.

Сергей взвыл, забулькал и захрипел одновременно. Красные пузыри шли из носа и рта. Он повалился на колени и прижал обе руки к лицу. Пистолет с глушим стуком упал на пол.

Я быстро схватил блондинку левой рукой за предплечье, так далеко, как только позволил наручник. Резко наклонился и правой рукой крепко схватил ее за щиколотку.

– Постарайся сконцентрироваться и поори что-нибудь. – Закричал я ей глядя в сторону двери. – Надеюсь ты ходишь в спортзал и попа у тебя не очень мягкая!

Так, теперь все зависит от того, услышал ли второй мужик ор своего напарника и мой крик и как он отреагирует. Я рассчитывал, что он все слышал и моментально забежит в нашу комнату выяснить в чем дело.

Так и произошло. Дверь отлетела, ударившись о стену, от пинка плотного мужика. Он сам не сбавляя скорости ворвался в комнату с пистолетом в правой руке и мотком скотча в левой.

Я говорил, что регулярно занимаюсь физкультурой. И это не только фитнес и йога с симпатичной инструкторшей. Еженедельно у меня есть две силовые тренировки. От груди я конечно могу выжать и сотню кг, при моем весе это не геройство. Но мой рабочий вес на жиме – порядка шестидесяти пяти килограмм. С таким весом я могу вполне ровно и технически правильно сделать несколько повторений.

По моим прикидкам Ирина весит до пятидесяти пяти. Меньше моего рабочего веса. Учитывая мое эмоциональное состояние, а я уже говорил, что злость помогает в драке, а я был очень зол, все должно было получиться. Просто подраться со вторым персонажем и вырубить его я бы не смог, я же пристегнут наручниками к соседке. Значит нужно играть теми картами, которые мне сданы. И у меня есть, как и с первым мужиком, только один удар. Я рассчитывал использовать блондинку как снаряд, схватив ее за запястье и лодыжку, сорвать ее с ящика, раскрутив по дуге, и ударить

ее ногой, ну или уж попой, как получится, второго мужика по голове. Прикинув размер своих рук и конечностей блондинки и взяв запас на движение, я примерно определил время удара и где должна быть цель. Для этого мне нужно было поймать его как раз на входе. Был риск того, что он медленно откроет дверь и окажется прикрыт ею, но умница толстячок сделал все как на заказ, отбив дверь к стене ударом ноги.

Быстро вдохнув я, как метатель снаряда, оперся на согнутую левую ногу, легко поднял блондинку, придав корпусом вращательный момент по горизонтали и подъемом ног задав движение по вертикали. При этом, из-за круговой скорости, ее тело оказалось буквально параллельно земле, спиной вниз, левая нога согнулась в колене и почти прижалась к груди. Ну, попой значит попой. Чуть более вытянув правую руку и доворачивая корпус, я познакомил попу моей соседки и челюсть второго мужика.

В истории рестлинга этот удар явно получил бы название по моему имени. Что-нибудь вроде «Апперкот Романова».

Удар был бы хорош. Он мог бы отбросить мужика к стене и дать мне время быстро, но бережно, забросить блондинку на левое плечо и успеть схватить пистолет синего костюма пока тот не очухается. Возможно, он ударился бы головой о стену и мне бы даже не пришлось бы забирать его оружие, оставляя на нем свои отпечатки. У меня бы хватило времени выбежать с блондинкой из бара на людную улицу. Удар мог бы дать мне все эти возможности, которые я бы ни в коем

случае не упустил.

Но, как почти все удары в рестлинге, Апперкот Романова был просто красивым, но не боевым. Буквально за долю секунды до встречи пятой точки моей напарницы и челюсти мужика, эта челюсть просто исчезла с пути моего снаряда. Как и вся голова. По инерции, не встретив никакого препятствия, я провернулся на 360 градусов и чуть было не упал, пойдя на второй круг.

Оказалось, что серый костюм неудачно наступил на откуда ни возьмись оказавшуюся на полу бутылку вина. Забегая в комнату, он наступил на нее, она, крутясь и звеня по грязному линолеуму, вылетела вперед. А мужик, вскинув вверх обе руки, запрокинулся наоборот назад и с умопомрачительно громким шлепком упал на спину. При этом голова попала как раз на порожек металлопластиковой двери, в которую он только что влетел. Раздался, как мне показалось, громкий даже на фоне только что случившегося падения хруст. Мужик откинул голову влево и не шевелился. Крови, как это было бы в дешевом фильме, из-под головы не показалось, но это еще ничего не значило.

Нда. Попил кофе. Подумал и отдохнул. А тут дела, все чудесатее и чудесатее.

Я поставил блондинку на ноги. Интересно, она не верещит потому что в шоке, или у нее реально нервы железные?

– Сколько времени? – Если она в шоке, мне нужно как

можно быстрее ее оттуда доставать. Пока мы скованны наручниками, от ее состояния зависит моя мобильность. – И поправь волосы, у тебя прическа растрепалась.

– Иди в жопу, Максим. Ты кто вообще такой? Тебя кто прислал, мудак ты? Они бы мне ничего не сделали. – Не похоже, что она была в шоке. По крайней мере обзывается вполне осознанно.

– Дорогая, ты лучше пистолет ногой отпихни, потом расскажешь о своих ко мне чувствах. – Говоря это я повернулся к первому, высокому мужику, завывающему у меня за спиной.

Вовремя повернулся. Продолжая булькать и хрипеть, синий костюм держал левую руку на переносице и что-то там щупал. А вот два кроваво красных глаза, вокруг которых уже расползалась багровая опухоль и, что особенно не приятно, дуло его пистолета, пристально смотрели куда-то в район моего живота.

– Лях на пол, оба лехли на пол. – Скомандовал синий. – Мохтай фнис. – Толи проговорил, толи пробулькал он.

До него метра полтора-два, никак не достану. Тем более с блондинкой на руке. Да и если бы он и был ближе, не тот у меня опыт реальных драк, чтобы с действующим, пусть даже и очень запустившим себя полицейским, в схватку вступать. Но зато у меня есть то, чем мой визави явно не может похвастаться.

Аскарида элеганс обладает нервной системой из трехсот двух нейронов. А в человеческом мозге сто миллиардов нейронов. И они связаны сотней триллионов синаптических связей. Электрические сигналы носятся по нейронным путям как по автострадам, создавая мысли, память, идеи, чувства.

Ум. Ум это всего лишь эффективность синапса. Быстрота и эффективность синаптических связей нейронов моего мозга намного выше среднестатистических. Это не хвастовство, это факт. Плюс мой опыт переговоров. Конечно это все помимо скромности.

Как-то один из моих тренеров по переговорам, еще в самом начале моей карьеры, сказал мне, что в переговорах бывают люди, а бывает «говядинка». Так вот, опять же без ложной скромности, но Сергей в переговорах со мной – именно говядинка. Я его просто съем. Возможно кто-то скажет, что это не скромно, что недооценивать противника, не важно, в бою или в переговорах, это фатальная ошибка, что лучше переоценить противника, чем недооценить его. Все так. Все верно. Но это верно для девяноста пяти процентов людей. Но есть еще пять процентов тех, кто всегда получает то, что планирует получить. Не хочет, а именно планирует. А план – это работа. Так вот, есть пять процентов людей, которые могут заработать все, что хотят. И я один из них. Когда-то кто-то из моих сотрудников сказал мне, что я слишком самоуверен. Тогда я ответил ему, что просто не вижу смысла рассматри-

вать вариант проигрыша. Зачем вообще браться за дело, если ты допускаешь поражение? Так что, когда я за полсекунды, глядя на пистолет, направленный мне в живот, решил «заговорить» мужика в синем костюме, уже в этот момент я знал, что так оно и будет. И начав говорить я уже думал не о том, что и как сказать, а о том, что в первую очередь нужно сделать после того, как я выйду из этого бара.

– Сергей, ты очень неглупый мужик. Послушай меня внимательно. Ты совершил ошибку. Ты ввел в свою операцию не известную тебе фигуру. И по ошибке ты даже не попытался подружиться с со мной, с неизвестным тебе фактором. Ты сразу начал бычить и угрожать. – Говорил я медленно, видел по блуждающим глазам, что у мужика не все хорошо с концентрацией внимания, тем короче, четче и однозначнее должны быть мои слова. – Я повторяю, Сергей, ты допустил ошибку и пока ты не подписал себе приговор, рекомендую опустить пистолет. Ошибиться может каждый. Не ошибается тот, кто сидит в кабинете и ничего не делает. Ты мне симпатичен. Ты трудяга, соль земли, все всегда и везде держится на таких как ты. Но из-за скромности ты продолжаешь работать на земле, на передовой. И своим трудом зарабатываешь награды своим начальникам. Твои подвиги – это их заслуга. А вот твои ошибки – это только твои ошибки, и за них тебя казнят.

В этот момент лежащий у меня за спиной мужик в синем костюме издал негромкий стон. Уже хорошо, я искренне

переживал, что он фатально расшиб себе что-нибудь. Подведем итог. Официантку Галю Сергей, серый костюм, приказал своему синему другу «придушить» и связать скотчем. Труп явно скотчем привязывать нет смысла, значит она жива и пострадает максимум косметически. Сам синий исполнитель, судя по стону, тоже хоть и расшиб себе голову, но жив. Итого, кроме синяков, сломанного носа и максимум сотрясения, высокие договаривающиеся стороны из общения никаких телесных повреждений не вынесут. Это хорошо.

– Сергей. Понимаешь, если твои руководители узнают, что ты держал меня на прицеле и даже поднял на меня руку, они искренне удивятся, что ты еще жив. Поверь, это действительно так. И твой сломанный нос – это самая малая плата, которую я с тебя готов взять за твою ошибку. А вот если ты прямо сейчас же не опустишь ствол, я за твою жизнь, и жизнь твоих близких, не дам ни копейки. – Я говорил абсолютно спокойно, медленно, четко. Чуть наклонив голову и глядя исподлобья в переносицу Сергея. Никакой улыбки. Максимально серьезно.

И ствол начал опускаться. Взгляд высокого забегал из стороны в сторону, он несколько раз остановил глаза на напарнике, судя по звукам все еще лежащем навзничь и стонущем в дверном проеме.

– Ира, ты без сумочки? А где ключи? Пойдем, у Сергея еще достаточно работы с напарником остается. – Я снова взял блондинку за руку и чуть повернул в сторону двери.

– Сергей, я тебе очень настоятельно рекомендую, забудь о нашей встрече. Не ищи меня. Если я еще хоть раз даже случайно увижу тебя в соседней машине, ты отправишься охранять урановые рудники. Это не угроза. Это факт. Со своей стороны я отвечаю, что твоего сломанного носа мне достаточно, другой платы с тебя я не возьму.

Согласен. Грубо. И не сработало бы, будь это подготовленная операция и будь менты на службе. Но в данных вводных это должно сработать. Хоть и временно. Через несколько минут Сергея возьмут сомнения и застрелить меня будет ему казаться одним из возможных вариантов развития событий. Но это через время. А сейчас, он как бандерлог перед удавом Каа, потупил взгляд и, казалось, даже перестал булькать разбитым носом, всецело показывая, что раскаивается и осознает свою ошибку. Пистолет снова поднялся, но не чтобы быть нацеленным на меня, а почесать висок. Видно этот жест стал у Сергея невербальным сигналом его максимальной задумчивости. Ну что ж, пока он думает мне нужно действовать. Опять же синий костюм зашевелился, а пистолет от него моя блондинка-напарница так и не оттолкнула.

– Ира, пойдем. Товарищам тут еще убирать.

Я правой рукой взял блондинку под локоть и, перешагнув уже скорчившегося на полу полного мужика, мы вышли в коридор, а оттуда и на улицу.

Солнце, яркое весеннее солнце, прям глаза заслезились.

И люди. Немного, но прогуливающихся по аллее было вполне достаточно, чтобы успокоить мои опасения по поводу вероятного выпрыгивания ментов из бара и размахивания пистолетами с целью вернуть нас в подсобку.

– Ира, давай-ка поскорее уйдем отсюда. – Говоря это я стянул пиджак и перекинул его на левую руку, скрыв таким образом наручник.

– А почему ты не забрал наши телефоны? Они же у этого урода остались? И документы, мой кошелек, твоя карта…

– Я просто не уверен, что мои переговоры с серым костюмом будут иметь долговременный эффект. Слишком плохо я его знаю. Он не самого большого ума человек, это по словарному запасу видно, по одежде, по его работе. Но при этом он, во-первых, полицейский, а значит чувствует свою власть и, возможно, безнаказанность. Ну а во-вторых, фактор стресса. Это вообще интересный множитель, который все может непредсказуемо изменить. Поэтому я торопился оттуда уйти в людное место. Ну а еще, я чуть-чуть блефовал. На самом деле я тут случайно, ты то это должна понимать. И если бы он в меня выстрелил, или они с другом начали бы меня калечить – я никак их бы не остановил. Вернее, я бы их скорее всего остановил и сам бы при этом не умер, но вот к доктору пришлось бы обращаться и им, и, что для меня критичнее, мне. Поэтому, как только я увидел, что он задумался и не собирается предпринимать каких-то действий – я ушел. Опять же его напарник начал приходить в себя и это тоже

меня торопило. За официантку я не беспокоюсь, а вот мне следовало поторопиться.

– А почему ты не беспокоишься за Галю, мы же ее бросили!

– Вспомни слова серого костюма. Он сказал синему, чтобы тот ее связал. Никто не будет брать на себя ответственность и убивать того, кого приказали просто связать. Поэтому за Галю я спокоен. Через пол часа придет повар и отвяжет ее.

– А я? Ты все время повторяешь про себя, тебя покалечат, угроза тебе, ушел ты. А я? Меня ты в расчет не берешь? – Блондинка замедлила шаг, почти остановилась.

Только вот этого мне сейчас и не хватало. Семейная разборка в стиле: «Ты эгоист и не думаешь обо мне». Со знакомой мне полтора часа женщиной. Так быстро мои отношения, пожалуй, еще не развивались.

– Ирина, ты симпатичная девушка, не глупая, знаешь музыку, которая мне нравится, судя по заказу в баре во вкусовых предпочтениях у нас тоже будут пересечения. Только прости, но в приоритете у меня всегда я. – Блондинка действительно остановилась и мне пришлось чуть подтолкнуть ее под локоть, чтобы она все-таки продолжала идти. – Не останавливайся, нам нужно как можно скорее пройти почти два квартала до Одесской.

– Я в самом начале сказала вам, что вы нарцисс, помните?

– Давай уже на ты, думаю стадию официального представ-

ления мы уже можем пропустить. А то как-то, то вы нарцисс, то ты мудак. Прям как к двум разным людям обращаешься. – Я чуть усмехнулся.

Мы прошли метров сто в молчании.

– То, что я в подсобке в первую очередь думал о себе, это не нарциссизм, не эгоизм и даже не какой-то еще изм. Хотя нет, прагматизм, вот что это. И здравый смысл. Как в самолете. При разгерметизации кабины обеспечьте кислородной маской в первую очередь себя, а уже потом детей.

– Я, по-твоему, ребенок? – Вспыхнула и опять попробовала остановиться блондинка.

– Нет, при взгляде на тебя у меня, возможно, когда-нибудь и появятся мысли о детях, но для этого мы явно недостаточно знакомы. – Говоря это я еле увернулся от удара левой рукой. Все, все реакции у блондинки в норме, теперь я окончательно уверен, что прикован наручником к адекватному человеку, а не к женщине в состоянии шока.

– Макс, а почему ты, как только вышел из бара, не попросил у прохожих телефон, полицию вызвать? – Задала она вполне резонный вопрос. Странно, что он был не первым. Это тоже говорит о ней кое-что.

– А почему ты этого не сделала?

– Свои причины я знаю, и отвечать вопросом на вопрос как минимум не вежливо.

– Ир, ты кажется согласилась, что оба эти товарища из полиции? Ну и что бы мы получили, вызвав их коллег? Поли-

ция в нашей стране, как впрочем и везде в мире, это закрытый клуб, в котором своего, даже сто раз виноватого своего, просто так не сдадут. Ну и что бы случилось, прибудь в бар наряд? Что они бы увидели? Двух задержанных, скованных наручниками, которые оказали жестокое сопротивление задержавшим их полицейским? Я не мазохист, меня ни разу в жизни не били ногами по ребрам, и что-то мне не хочется этот счет открывать.

– Но ты же понимаешь, что они это просто так не оставят? Меня они знают, но за себя я не переживаю, мне они сильно навредить не могут. А вот тебя они сто процентов найдут. У них же твой телефон и кредитка.

– Ну, мои кредитка и телефон для них – это просто куски пластика и металла, ничего они по ним про меня не узнают. А вот то, что я сам этих персонажей найду – это я тебе гарантирую.

Мы продолжали идти, держась как влюбленные студенты, за руки. Это произошло как-то просто и логично. А как иначе идти, если ваши руки соединены наручниками, которые прикрывает наброшенный сверху пиджак?

– Максим, я повторюсь, но кто ты блин такой? Мне кажется твой пиджак стоит пару тысяч долларов, нет? А сколько стоят твои часы? – Она сделала движение правой рукой вверх, пытаясь открыть мое левое запястье.

– Не стоит сейчас рассматривать часы, не самая лучшая идея. И я честно не отвечу тебе на вопрос. Я не знаю, сколько

стоят мои часы и пиджак.

– Вот и я об этом говорю. Судя по тому, как уверенно ты себя ведешь, за тобой явно кто-то стоит. Подозреваю, это какая-то государственная структура, название которой обязательно состоит из трех букв, причем первая обязательно или «Ф», федеральный, или «Г», главное. Разве не так? Ну а по поведению, часам, одежде и парфюму, у тебя на погонах скорее всего одна, но очень большая вышитая звезда. Угадала?

– Ира, ты продолжай идти, и смотри по сторонам, может где раньше, чем на Одесской, увидишь ларек по изготовлению ключей, или заточку инструментов. А по тому, кто у меня за спиной – ну право, не хочу тебя разочаровывать, но у меня вообще погонов нет. И корочек у меня в карманах, как ты видела, никаких нет. Так что ни трехбуквенные структуры, ни какие-нибудь властные мандаты вместе со мной на поле не выходят.

– Макс, я, прости, тебе не верю. И я все больше и больше разделяю мысли наших барных приятелей, что ты подсел ко мне совершенно не случайно. Не бывает такого, не верю.

– Давай-ка мы с тобой найдем ремонт ключей или обувную мастерскую, надеюсь там нам помогут избавиться от этого сувенира из секс шопа, – я чуть приподнял левую руки, – а потом я раздобуду телефон на один звонок, нас отвезут в какую-нибудь кафешку без злобных вооруженных посетителей, мы пообедаем и поговорим. – Раз уж я оказался втянут в чью-то партию, мне хотелось знать кто и, главное,

во что играет. Поэтому я не хотел отпускать девушку не поговорив.

Ира резко остановилась и посмотрела мне в лицо.

– Максим, ты мне симпатичен. Но я прям таки кожей чувствую, что ты мне врешь и наше знакомство не то, что не случайно, но еще и очень опасно для меня. Скажи сейчас, кто ты, зачем подсел ко мне. Я не шучу. Если ты мне не скажешь правду – я буду вынуждена вызвать людей и вопросы будут задавать уже они.

– Ира, а ты не находишь, что после того, как я вытащил тебя из комнаты допросов в баре, угрожать мне тем, что теперь уже ты мне такую же допросную устроишь, прям таки не вежливо? – Я с интересом смотрел на девушку. Что же за история у нее такая, что она вот так вот может угрожать мне после того, что сама же признала за мной непонятную ей силу.

– Ты думаешь в ремонте ключей смогут наручники снять? У меня машина на Одесской, я ее никогда не закрываю. Если сможешь без ключа завести- отвезу тебя куда скажешь, – похоже Ирина решила сменить тему разговора.

– Нет, Ира, у меня нет криминального прошлого и угонять тачки я не умею. А вот чуть-чуть наличных для того, чтобы заплатить за телефонный звонок, у тебя в машине случайно нет?

– Лучше, у меня в машине, в аптечке, всегда валяется подзаряженный телефон с активной симкой и запасной аккуму-

лятор, пауэр бэнк. Так что сможешь позвонить кому захочешь.

Так, беседуя, мы подошли на угол улиц Красная и Одесская.

– Моя машина. Она стояла вот тут, – Ирина рассеянно показывала на заставленный автомобилями участок парковки.

– Я конечно давно не сидел за рулем и не точно помню ПДД, но может ты припарковалась под знаком и твою машину эвакуировали?

– Да вроде нет. Я кажется смотрела, не было знака или инвалидной разметки. – Она рассеянно вертела головой и вдруг остановила взгляд на чем-то метрах в пятидесяти впереди. – А вот кстати, как ты собираешься избавиться от наручников? У меня денег нет, у тебя вроде бы тоже карманы проверили.

– Ира, ну а язык нам для чего? С любым человеком можно договориться, если быть искренним и дружелюбным. Опять же, можно не в ключную мастерскую, а к сапожнику обратиться, я еще по детству помню, в Краснодаре почти все сапожники – старички армяне, можно предложить мастеру твой поцелуй! – Я опять еле увернулся от ее удара левой рукой. – Шучу, шучу, пойдем, там решим, вон кстати и ремонт обуви, думаю это даже лучше часовой мастерской или изготовления ключей.

– Потому что там старичок армянин работает? – Огляды-

ваясь на ряд магазинчиков спросила Ирина.

– Потому что там инструмент не в пример часового больше и надежнее, пойдем уже, – потянул я ее за руку.

На пересечении Красной и Одесской, в здании гостиницы «Динамо», на первом этаже, давно уже были сделаны множество отдельных входов и весь этаж был отдан под маленькие магазины. Вот как раз между вывеской «Продукты» и «Аптека» и была неказистая дверь под фанерным щитом «Ремонт обуви», даже реклама была, ярко красным маркером на окне, чуть корявым почерком, было выведено незамысловатое «Пять минут и снова в путь».

– Вот, нам как раз сюда, пять минут, и пойдем дальше решать наш ребус, – сказал я и потянул Иру к мастерской.

Мы поднялись на пару ступенек, я толкнул дверь и, под дребезжаще звякнувший колокольчик, мы вошли в небольшую, метров десять, комнатку. Свободного места было буквально на пару шагов, а дальше помещалась высокая, по грудь, деревянная стойка. В глубине комнаты, на когда-то ярко-красном эймсовском стуле сидел, склонившись к деревянному верстаку под грязной настольной лампой, грузный седой старик и, не обращая внимания на вошедших, продолжал возиться с каким-то куском толи резины, толи кожи.

– День добрый, отец, есть минута на нестандартный заказ?

– О, сынку пожаловал, – не отрываясь от своего занятия и даже не повернув головы прохрипел дед, – шо, пенсию батьку принес?

– Нет отец, я вообще не про деньги. У тебя гвоздик случайно лишний, или скрепка какая не найдется? Нам с женой сынок наш вот подарок подарил, – я снял пиджак с руки и поднял наши с Ириной руки над стойкой, показывая мастеру наручники, – переживает малец, что мы развестись можем, вот и скрепил нас… Можешь такие браслеты снять? Помоги, пожалуйста.

Сапожник оторвался от верстака и уже смотрел на нас с интересом.

– А что ж он вас, прям на улице подловил и сковал? Или вы из дома так пришли? Дома что, гвоздика не нашлось? Или руки не из того места? А может вас вообще в кустах соединили, и вовсе даже не сын, а менты? Может вы на улице непотребства устраивали?

– Отец, ты скажи, снять сможешь или нет? Если можешь помочь – то прикалывайся на здоровье, а если нет – то помолчи уж, а мы еще кого поищем…

– Ты поищи, поищи, с ментовскими наручниками на руке ты много кого найдешь. Умный – ну так и иди отсюда, умничай. А мне с тобой связываться ни разу не интересно, может за тобой сейчас ППСники по всему центральному округу Краснодара носятся, ищут тебя и подругу, – говоря это все старик не то, что не прогонял нас взглядом или мимикой, он даже чуть улыбаться начал, как человек, наконец-таки избавившийся от скуки и нашедший на ТВ интересное шоу. – А давай мы сейчас кнопочку сигнализации нажмем, россгвар-

дейцы за две минуты в этом районе прибудут, у них уверен и ключик такой есть. Вот им и разрешишь поприкалываться, а?

– Отец, если бы твой сын-оболтус принес домой ментовские наручники, ты бы в полицию позвонил? Я сам с ним разберусь, к парте его ремнем привяжу, он у меня «Войну и Мир» наизусть выучит. Но ментов звать не нужно, я им не объясню про наручники, к сыну же их не отправлю, разве что сказать, что на улице нашли и сами себя сковали, так ведь они все равно весь день промурыжат проверками…

– Ну в самом деле, уважаемый, ну помогите уже, а, – голос Ирины был тихий и чуть даже стыдливый, – Ванька услышал как мы ссоримся вчера, а сегодня нас вот так вот подловил. И сумочку мою, и Максову барсетку забрал, сказал, пока не помиримся чтобы домой не возвращались. А дома он сам нас раскует.

– Так а чёйт вы домой не идете? – старичок прищурился, – дома получается вас ключик ждет, а вы, наугад, в обувную починку за помощью толкаетесь?

– Отец, это не педагогично будет, если мы домой скованными придем. Я хочу сыну показать, что я умею решать проблемы.

– Ты, мил человек, меня отцом та кликать кончай, не сын ты мне. Хочешь так задобрить – не сработает. Тысяча и сниму я тебе браслетики. Только документ мне какой покажите, чтоб если за вами и вправду менты придут – я им знал, что

говорить.

– Да что ты, старый, издеваешься? – из глаз Иры чуть не текли слезы, – Тебе ясно сказали, Ванька мою сумку и барсетку мужа взял, чтобы мы не позвонили никому и на такси домой не уехали. Ты думаешь, я когда сумку ношу, еще в куртке паспорт держу? Или кошелек? Нету у нас денег. Как нам, зайцами в трамвае на другой конец города ехать? В наручниках? Максим, пойдем, – она дернула руку в направлении к выходу, – тут нам не помогут, давай я у кого-нибудь невидимку попрошу, сможешь заколкой открыть?

– Ну что ты завелась, ей Богу, думаешь так все просто, попросила ты меня, я сразу и снял тебе эти браслеты? Ты знаешь, сколько раз в день ко мне нарики с авто магнитофонами приходят? Или курьеры, мать их, на пол часика коробочек спичек оставить просят? А за ними менты, трижды в день… Как будто если ремонт обуви, то сидит тут тупой бывший зэк и травой банчит… Ты, Максим как я понял, да? Я б помог тебе, но у меня принцип, бесплатно не работаю. Часы у тебя же есть? Вот давай ты мне часы, а я наручники открою.

– Уважаемый, рад, что ты уже торгуешься, только часы я тебе не оставлю, они слишком дороги мне, намного дороже, чем решение этой маленькой проблемы. Наручники себе оставишь, если откроешь, идет? А по части документов, так у тебя небось тут дюжина камер понаставлена, раз к тебе трижды в день то менты, то наркоши забегают. Ты человек видно не глупый, не мог ты себя без камер оставить.

– Умный, да? Вот и славно. Я же вижу, что ты мужик модный, и часики твои точно подороже сотни долларов даже наверное стоят. Если бы ты мне их согласился оставить за работу, значит правда нечего тебе терять, тогда я бы точно сигнализацию бы нажал. Ну а раз ерепенишься, значит не в бегах, значит помогу, давайте сюда руки. Только пообещайте мальца своего не наказывать, он же за вас, за вашу семью тревожится. Я сам без отца рос, знаю, что такое, когда родители разводятся.

Старик на секунду посмотрел в потолок, как будто припоминая что-то, а потом отложил кусок кожи, который все это время держал.

– Таак, где-то у меня был тут тремпель, вешалка проволочная, должна подойти, – как будто про себя шептал сапожник и стал шарить где-то под верстаком, – аааа, вот и она, – он достал кусок проволоки, действительно похожий на помятые проволочные плечики.

Взял плоскогубцы, сначала распрямил свободный конец плечиков, а потом согнул под 90 градусов, сделав козью ножку примерно в пол сантиметра длиной.

– Давайте сюда ваши браслетики, – с этими словами он кряхтя поднялся с кресла и вразвалку сделал пару шагов к стойке, – Тааак, как там оно, вставляем в щель для ключика и против часовой его, ищем затвор, вооот он, главное попасть в пазы, оппа, первый готов.

Снятый с запястья Ирины браслет звонко упал на дере-

вянную стойку. Ирина потерла красный след на руке и тут же одернула рукав куртки, прикрыв его.

– Что-то я занервничала, милый, я на улицу выйду, на входе на ступенечках посижу, тебя подожду, – Ирина прикоснулась к моему локтю, развернулась и вышла из мастерской.

– Ну а правда, кто и за что вас сковал та, а? Расскажи, любопытно же, – старик взял мое запястье в свою шершавую ладонь и нацелил было вставить крючок в щель, но замер, глядя мне в глаза снизу вверх, – Нутром чую, не женаты вы, или если женаты, то не ссорились так чтобы до развода. Я ж вижу, как она по тебе глазами елозит, да и ты ее прям оцениваешь, интересна она тебе, такого взгляда у супругов с детьми подростками не бывает, у таких супругов взгляд уже притухший, не так они друг на друга смотрят.

– Отец, я врать не научен, тем более старшим, тем более, признаваться, если соврал, – я чуть прищурившись глянул ему в глаза, – открой уже, пожалуйста, этот замок, надоело мне в нем, фасон совершенно не мой, и давит к тому же.

– Ну, раз фасон не твой, тогда конечно, – старик щелкнул проволокой в замочке и я наконец освободил руку.

– Спасибо уважаемый, как договаривались, наручники твои, только дай я на них посмотрю, когда еще в руках такую штуку подержу? – говоря это я достал платок и протер им чуть вспотевшее запястье.

Взяв наручники я прикинул их вес, да, точно не комфортная вещица. Случайно они выскользнули из руки и упали на

пол. Я наклонился, поднял и положил их на стойку.

– Владей, отец. И спасибо тебе, выручил ты нас с женой.

Я повернулся и уже приоткрыл дверь, когда услышал за спиной ворчание:

– Выручил, ага. Как бы мне эта выручка боком не обошлась. И не зови ты меня отцом, нашелся мне сыночек. А если пальчики с браслетов хотел стереть, так бы и сказал, нечего вещи на пол ронять.

Как дед заметил, что я протер платком наручники и что взялся за дверную ручку через платок? Да, все же работа на таком центральном пятачке дает о себе знать. Видно и вправду научила его жизнь подмечать мелочи и настороженно относиться ко всем не стандартным посетителям. Я даже подумал, а не сделал ли я глупость, зайдя в мастерскую со своей просьбой, мало ли, куда и под каким соусом сапожник сольет информацию. Тем более что камер у него по заведению я хоть и не увидел, но они явно должны быть, при его общении с нариками и с полицией. Ну да ладно, сомневаться в принятых решениях глупо, нужно просто правильные выводы делать.

Я вышел на улицу. На ступеньках Ирины не было. Заглянул в соседние аптеку и продукты, хотя что ей там делать без денег, но и там ее не оказалось. Я спустился на тротуар и посмотрел по сторонам. Девушки нигде не было.

Глава 6

Постепенно идеями казачества прониклись оба сына Титовых, Гриша и Иван. Не было никаких церемоний или инициаций, не было рюмки водки с шашки, не было присяги у знамени или каких-то клятв в верности на иконе. Просто с какого-то момента Гриша и Иван уже сами себя считали казаками. И их иначе, как казаками, никто уже не воспринимал.

Летом 1991 старший, Гриша, сдал школьные экзамены, чуть-чуть не дотянув до серебряной медали. Четверки ему поставила директриса, преподававшая историю, и родная мать, учитель русского и литературы. И если директриса принципиально не ставила ему пятерки за постоянные споры с ней на уроках о роли личности в истории и о замалчивании истории родного края, то мать поставила Грише четверку просто сказав, что не может она сыну поставить пять, не поверят, что не обошлось без поблажек.

Гриша, разумеется, не рассматривал своей дальнейшей судьбы без армии. Летом он блестяще сдал вступительные экзамены в Краснодарское высшее военное училище имени генерала Штеменко, или как его называли в Краснодаре, Шифровалку. За ближайшие четыре года ему предстояло стать специалистом в области защиты информации.

За хлопотами с экзаменами, с подготовкой к новой, кур-

сантской жизни, Гриша даже не заметил случившегося в августе путча ГКЧП. Дома событие конечно бурно обсуждалось, но он был еще очень далек от политики, от понимания сил и структур власти, и потому на вопросы отвечал просто, что у него недостаточно информации для того, чтобы иметь какое-то свое мнение, а повторять чьи-то слова он считает глупостью.

Однако, массированный поток информации, выливающийся на каждого жителя России после ГКЧП, перманентно горячая обстановка в кавказских республиках и особенно в Чечне, государственные изменения, постоянно происходящие в стране после 91го года, все это не давало шанса кому-то из совершеннолетних россиян остаться вне политики.

За первые пару лет учебы Григорий не только еще больше подтянулся в физическом плане, прибавив почти пять кило мышечной массы, он и до поступления не был слабаком, но и втянулся в политическую жизнь. Он понял, что это его. Ему было интересно понимать движущие людьми силы и настроения. Он активно читал газеты, участвовал в проведении еженедельных политзанятий в училище, посещал встречи казаков, где разумеется так же обсуждались политические новости.

В начале октября 1993 он, вместе с парой своих закадычных друзей-однокурсников, даже ездил в Москву на поддержку Ельцина, участвовал в уличных столкновениях со сторонниками парламента и защитниками Дома Советов.

Там же, в Москве, на знаменитом Горбатом мостике, четвертого октября 1993 года Григорий познакомился с Александром Коржаковым, начальником службы безопасности Ельцина. Непонятно по какой причине, но Коржаков выделил высокого сильного парня из толпы, а когда узнал, что Гриша курсант краснодарской Шифровалки, даже не стал возражать, когда Титов напросился участвовать в аресте Хасбулатого и Руцкого.

По возвращении в Краснодар у Григория Титова и его товарищей возникли было проблемы с руководством ВУЗа. Рассматривался вопрос об их исключении якобы за прогулы, а на самом деле за участие в московских событиях. Уже даже был подписан приказ об отчислении и его довели до курсантов, но неожиданно все изменилось. Троих курсантов вызвал к себе сам начальник училища, генерал-майор, и при них порвал приказ об отчислении. Как позже выяснилось, за час до этого генералу позвонил сам Коржаков и поинтересовался успехами в учебе своего «молодого друга» Григория Титова.

Еще через два года, в 1995, Григорий Титов окончил шифровальное училище со специализацией в сфере защиты информации и данных, в том числе электронных. К тому времени он уже знал, где будет работать после выпуска.

Летом 1995 года Григорий приехал в Москву. На Казанском вокзале его встречал личный водитель Коржакова, ко-

торый отвез Титова и его единственный небольшой чемоданчик в тихий Гнездниковский переулок, в самом центре Москвы, почти напротив Елисеевского гастронома. Там, в тридцатиметровой однушке, Григорий Титов прожил следующие пять лет. Все это время Григорий работал в службе безопасности Президента РФ, сначала рядовым сотрудником, но достаточно быстро продвинувшись до замначальника отдела информационной безопасности. Именно Титов ввел в практику сбор так называемых Фарли-досье на всех, кто когда-либо контактировал с президентом. И кстати, сам Григорий точно так же составлял подобные досье и на все свои контакты. Поэтому он всегда мог при встрече с человеком поинтересоваться успехами внука в шахматах или порекомендовать витамины для собаки.

Возможно, это помогло Титову остаться на плаву, в обойме, когда через год после переезда в Москву, в июне 9бго из-за скандала с «коробкой из-под Ксерокса» со всех постов был уволен его покровитель, Александр Коржаков. К тому времени Григорий уже обзавелся собственных кругом серьезных людей из окружения президента, которым он в свое время оказал какие-то не значительные бытовые услуги, и которые хорошо к нему относились. Поэтому, падающий шеф не потащил за собой Григория. В результате Титов стал как бы нейтральным игроком. По итогам этого не совсем понятного дела он не только сохранил отношения с бывшим шефом, Коржаковым, но еще и вошел в близкий круг к так

же уволенному директору ФСБ Михаилу Барсукову и первому вице-премьеру Олегу Сосковцу. И конечно, оставшись на службе он автоматически стал членом команды нового силового руководства страны. Так, за первые два года жизни в столице Григорий Титов из простого выпускника, пусть даже со специфической специальностью, стал частью закулисного, не видимого простому обывателю, клуба людей, причастных к выбору направлений, куда будет развиваться страна.

Наступил новый, 2000 год. Григорий наконец переехал из ведомственной однушки в собственную трехкомнатную квартиру. Правда бывал он в ней не так чтобы часто, даже ночевал не всегда, предпочитая оставаться спать на работе, на небольшом диванчике, зато не тратя время на дорогу. Рабочий день Григория начинался в районе шести утра и продолжался до позднего вечера, а иногда и переваливал за полночь. При таком распорядке ни о каких личных отношениях речи и быть не могло. Поэтому к двадцати шести годам Григорий так ни разу и не влюбился. Работа была его любимой женщиной, его хобби, его всем.

А 20 апреля, ровно в тот момент, когда Григорий смотрел по телевизору выступление замначальника генштаба России о том, что боевые действия в Чечне закончились, ему позвонила мать и сказала, что Ивана, его младшего брата, убили в Чечне.

После окончания школы в 1995 Иван Титов сразу же по-

дал документы в военкомат. Он отказался идти в ВУЗ. Его мечтой была служба в армии. Родители объясняли сыну, что без образования он никогда не станет высшим офицером, а плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом. Но Иван отвечал просто, что плох тот маршал, который не послужил простым солдатом. В итоге он попал в мотопехотные войска с местом службы в поселке Молькино, Краснодарского Края. Распределение поближе к дому сделали друзья отца по казачеству. Узнав о том, что он остался служить в родном крае благодаря семейным связям, Иван очень рассердился и даже поссорился с отцом. В результате ссоры он написал рапорт о направлении его на службу в Чечню. Так Иван оказался на первой чеченской войне, прослужив там вплоть до осени 9бго, покинув Чечню в составе одного из последних эшелонов уже после подписания Хасавьюртовского перемирия.

После демобилизации из армии осенью 97го, Иван поработал полгода в милиции, а летом 98го подал документы в Краснодарское Высшее Командное Училище, которое окончил его старший брат Григорий. К тому времени обучение уже стало пятилетним, и на семейном совете было решено, что по окончании ВУЗа Иван сам выберет, остаться в Краснодаре с родителями, или переехать в Москву к брату.

Но случилось все не так, как планировалось.

Иван, с детства увлекавшийся математикой, в старших

классах школы начал интересоваться крайне редкими в то время компьютерами. Уже в десятом классе он сам собрал игровую машину на базе компьютера ZX Spectrum, с играми, записанными на обычных пленках аудиокассет. В военном училище старое увлечение Ивана получило отличную поддержку и он, уже с первого курса, увлекся персональной электроникой, дни напролет проводя в ВУЗовских лабораториях. Поэтому логично было, что когда ВУЗ приобретал первую партию невиданных в 1999 году ноутбуков, Иван Титов принимал активное участие и в составлении требуемых тех заданий, и в приемке устройств. Так же он был назначен ответственных за настройку приобретенных ноутбуков. Конечно, ответственным он был назначен не официально, а факультативно, никто не доверил бы студенту первых курсов дорогие машины. Но в училище знали, что мало кто из сотрудников и преподавателей так же хорошо как Иван разбирается в электронике, поэтому уж так получилось, что командование ВУЗа допустило студента к работе с ноутами. Планировалось, что все ноутбуки будут запущены к сентябрю и с нового учебного года будут включены в процесс обучения курсантов. Всего в мае 99го было приобретено пятьдесят устройств. А по результатам инвентаризации перед началом нового учебного года, в августе, на складе училища были найдены всего две пустые коробки.

В результате расследования выяснилось, что за месяц каникул, в июле, неустановленными лицами были похищены

со склада военного училища сорок восемь ноутбуков. Две машины, коробки из-под которых были найдены на складе, нашлись в учебной лаборатории, куда их без ведома материально ответственных лиц, принес Иван Титов для установки программного обеспечения.

Для руководства училища страшен был не столько сам факт кражи. Страшно было то, что в течении месяца на территорию военного объекта, как на работу, ходили некие не установленные лица и выносили с территории закрытого ВУЗа материальные ценности. Учитывая специализацию училища, этот факт мог стоить его начальнику генеральских лампасов. И начальник училища отлично понимал, что стоит факту получить огласку, его планы встретить пенсию на ведомственной генеральской даче могут пойти коту под хвост. Поэтому руководством ВУЗа было принято решение скинуться, напрячь поставщиков, и без широкой огласки закупить еще одну партию ноутов. Чуть меньше по количеству, чуть хуже по техническим характеристикам и значительно дешевле тех, что были утеряны. А про факт хищения просто забыть.

Вернувшийся с каникул Иван хотел было, как и планировалось в конце ученого года, приступить к настройке ПО на ноутбуках. Но придя на склад за машинами он обнаружил совсем не те устройства, в приемке которых сам принимал участие. Разумеется, руководство училища совершенно упу-

стило из вида участие в процессе какого-то первокурсника. И когда Иван пришел на прием к заместителю начальника училища с рапортом о подлоге, тот, сначала растерялся, но быстро взял себя в руки и просто наорал на курсанта, обвинив его в том, что он лезет не в свое дело. И по ходу ора он совершенно непрозрачно намекнут Ивану, что, если тот не забудет всю эту историю, он в буквальном смысле сядет в тюрьму за хищение двух ноутбуков, вынесенных им со склада в лабораторию. Взял самовольно мат ценности со склада? Взял. Ну а то, что не вынес их из училища, а оставил в лаборатории, так это просто воровская уловка. И руководство ВУЗа приложит все усилия для того, чтобы курсант сел надолго. Еще и кражу всех ноутов на него постараются повесить. Ну а почему нет? Иван отлично знал, что за машины приобретались, он разбирается в устройствах, а значит знаком с такими же знающими людьми. Следовательно, ему не составило труда сбыть краденное. Ну и конечно, для кражи он воспользовался доверием руководства училища, тем, что имел доступ к приобретенным ноутбукам. По всем параметрам получается, что именно Иван и был организатором, возможным исполнителем и выгодоприобретателем кражи!

Все эти доводы были очень ярко и эмоционально выданы Ивану заместителем начальника училища. Оглушенный обвинениями Иван ушел в казарму и рухнул на свою койку. Но уже через двадцать пять минут его нашел дневальный и передал приказ явиться к начальнику училища.

Начальник был настоящий военный, не номенклатурщик, а реальны боевой генерал. И материться он умел. Не матерными в его речи были только союзы и предлоги. Ор был такой, что молодой курсант даже не краснел, а стоял бледный, будто поштукатуренный и побеленный.

Но руководство училища допустило одну простую ошибку. Они не просчитали Титова. По факту ведь, что произошло? Да было воровство. Да, разумеется вина руководства, что допустило хищение. Но ведь изначально никого крайним не стали назначать. Ответственные лица взяли на себя расходы и купили новые ноутбуки. Да, с конфигурацией хуже начальной, да, не пятьдесят, а сорок штук. Но главное в том, что генерал, начальник училища, нашел способ решить вопрос так, чтобы и самому не пострадать, и ВУЗу не получить длительное расследование с неизвестными последствиями.

А ошибка была в том, что с Титовым руководство не стало разговаривать. Нужно было просто сесть и объяснить этому молодому, но не глупому курсанту, что руководство решило сделать так не только для своего спокойствия, но и для ВУЗа. Иван скорее всего согласился бы, и вытянул бы из новых машин максимум их возможностей. Но нет. Все сразу пошло не так. На Ивана начали орать, грозить, загонять в угол и не давать выбора. Это была ошибка. С Титовыми так нельзя.

Прослушав минут пять ор начальства, Иван сам успокоился, кровь вернулась к его лицу. Он молча, больше не обращая внимания на крики, подошел к столу начальника, молча

взял из стопки чистый лист бумаги и ручку и написал рапорт об увольнении из училища.

Так же молча Иван встал из-за стола, подошел к начальнику и передал ему в руки листок, сказав совершенно спокойно: «Я ухожу, вы меня ничему хорошему не научите. Попробуете на меня что-то повесить – будет расследование. Куда оно зайдет – никто не знает, врагов у вас не может не быть, кто-то может и воспользуется, кресло у вас, наверное, удобное, желающих на него должно быть много. Мне терять нечего, а вам?».

Через неделю Иван подал заявление в краснодарский военкомат о приеме на службу по контракту. А уже через два месяца, в октябре 1999, Иван, в звании сержанта, прибыл для прохождения дальнейшей службы в город Грозный, Чеченская Республика.

Три месяца Иван служил заместителем командира взвода разведки, три месяца он вместе со своими парнями выполнял самые опасные задачи, совершал рейды в самые удаленные от расположения федеральных сил районы, три месяца они вылавливали руководителей боевиков по лесам и ущельям. В конце декабря, к новому 2000 году, Иван получил звание старшего сержанта и должность командира взвода.

Его взвод, три отделения по шесть человек, собранный им из краснодарских и ставропольских казаков-контрактников, брал на себя самые сложные задачи. Там, где казалось

невозможно выполнить рейд, когда с задания гарантированно вернулась бы не больше половины людей, на такие задания подписывался только взвод сумасшедших казаков Титова. И удивительно, во взводе не было потерь. Были ранения, были тяжелые травмы, но за почти три месяца, за почти две дюжины самых опасных рейдов, взвод Титова не потерял ни одного бойца.

Во вторник, 18 апреля, взвод Титова отдыхал. Иван со своим замом пошли в гости к соседям, танкистам. Танкисты славились тем, что на боках своих машин, в оцинкованных емкостях, настаивали брагу. Вообще во взводе был строгий сухой закон, но у одного из бойцов был юбилей, парню исполнилось двадцать пять, вот Титов и решил принести пару фляг не крепкой браги и устроить солдатам праздничный ужин, с тушенкой, печеным картофелем и надерганным в последнем рейде пучком остро пахнущей черемши.

Иван с товарищем уже возвращались к себе в расположение части, когда, проходя мимо одного полуразрушенного дома, увидел в разбитом окне первого этажа плачущую девочку лет пяти-шести. Иван скомандовал заму охранять, а сам подошел к окну, заглянул внутрь. Девчушка стояла и горько плакала, прикрыв лицо маленькими ладошками.

Легко перекинув тренированное тело через высокий подоконник Иван пружинисто приземлился на пол в комнате, лицом к девочке и спиной к окну. И тут же ему в правый бок

вошел, по самую рукоять, длинный нож.

Оторопело обернувшись Иван увидел мальчишку, прижавшегося к стене под подоконником. Не больше двенадцати-тринадцати лет, маленький, щуплый, в копоти и с разводами то ли слюней, то ли соплей на лице. Маленький чеченский мальчишка. Вот только глаза у него были не детские. Черные, глубокие, злые глаза волка.

Эти глаза буквально заступорили Ивана. Мальчишка что-то зло сказал по-чеченски, вскочил на ноги, подхватил девочку и выбежал куда-то в дверь.

Иванов зам заглянул в проем окна и увидел Титова, сжимающего рукоять ножа, торчащую сбоку из-под ребер.

– Я кажется все, – сказал Иван и рухнул на пол.

Уже через двадцать минут Иван был на операционном столе в госпитале, оборудованном в здании школы. Почти два часа медики оперировали Титова, старались зашить внутренности после двадцати сантиметрового чеченского ножа. В госпитале не оказалось запаса крови и Ивану сделали прямое переливание от одного из его бойцов. Операция вроде бы даже прошла успешно, и потери крови были восстановлены. Но к утру среды, 19го апреля, у Ивана Титова резко, за какие-то десять минут, поднялась температура, почти до 41 градуса, и он умер. Дежурный военврач констатировал смерть в 04:50 по московскому времени.

Командир части нашел в личном деле Ивана Титова до-

машний телефон его родителей и в тот же день, в среду, с тяжелым сердцем набрал его. Никто не брал трубку. Командир знал, что не может перепоручить эту тяжелую обязанность никому из подчиненных, поэтому он продолжал набирать номер каждые три часа, вплоть до десяти часов вечера. В этот день Семен и Клавдия Титовы после работы пошли на концерт в краснодарскую филармонию. Уже открывая замок своей квартирки они услышали звонивший короткими частыми звонками телефон. По звонкам было понятно, что это междугородка, но снять трубку Семен не успел. Клавдия, резко побледнев, смотрела на аппарат.

– Что-то с детьми, – тихо сказала она, – что-то плохое с детьми.

– Не накручивайся, все у них нормально, – сказал Семен, но все же набрал номер московской Гришиной квартиры.

Как ни странно, старший сын был дома, он постарался успокоить отца, пообещал, что завтра же с утра, по своим каналам, разыщет младшего, Ивана, и прикажет ему позвонить матери. А звонок – может просто ошиблись номером, не так уж редко это происходит.

Утром Григорий и правда попросил своих коллег обеспечить ему звонок в войсковую часть Ивана, но что-то было со связью, и ему пообещали обеспечить разговор с братом после обеда.

В это время, командир части Ивана уже дозвонился в квартиру Титовых в Краснодар и сообщил тяжелую весть

Клавдии Титовой.

Григорий сидел в своем кабинете, смотрел по телевизору выступление замначальника генштаба России о том, что боевые действия в Чечне закончились. В этот момент ему в кабинет перевели звонок от матери, которая сквозь слезы сказала только: «Ваню в Чечне убили».

Парнишку, зарезавшего Ивана, нашли через несколько дней. Им оказался двенадцатилетний местный мальчик Кутай Цурган. Его отец не был боевиком, радикалом, исламистом. Его отец, Леча Цурган, был простым учителем физики. Как выяснилось в ходе расследования, пару месяцев назад Леча возвращался вечером с заработков вместе со своим соседом. К ним подъехал УАЗ с российскими солдатами для проверки документов. У приятеля Цургана не оказалось с собой паспорта и его потащили в машину, чтобы отвезти в комендатуру «для проверки личности». Леча вступился за товарища, он сказал, что может сбегать к тому домой за паспортом. Но солдаты решили иначе. Они сказали, что раз мужчины приятели, то их обоих заберут, заодно и проверят, не фальшивый ли паспорт предъявил Леча для проверки. Ни Леча, ни сосед, домой так и не вернулись и больше их никто не видел.

Кутай остался старшим в семье, родственников у него в Грозном не было, мать погибла при бомбежке города еще в первую чеченскую. Двенадцатилетний Кутай остался вдвоем

с сестрой, шестилетней Асамой. Соседи помогали детям чем могли, приглашали их к себе, но Кутай решил не уходить из родного дома и жить в нем вдвоем с сестрой. Он подрабатывал на рынке, помогал таскать товар продавцам, иногда сам торговал, разложив на куске целлофана нехитрые вещи, найденные им в разрушенных кварталах города. А еще Кутай мечтал отомстить. Отомстить русским, бомба которых взорвала его мать и солдаты которых забрали его отца, простого учителя. Ножи в любом чеченском доме всегда есть. И любой чеченский мальчик умеет ими пользоваться. Асама хоть и была еще совсем маленькая, но потребовала, чтобы брат взял ее с собой, когда пойдет мстить за родителей. Так дети придумали план. Оставалось только подловить одинокого русского.

Все это выяснил Григорий, когда прилетел в Краснодар на похороны брата и остался на несколько дней чтобы поддержать мать и отца.

Отец Григория, Семен, к тому времени уже вошел в основной состав Кубанского Казачьего Хора, а мать, Клавдия, стала завучем в школе. Именно Клавдия, конечно с помощью мужа, смогла сделать свою школу подшефной Хору. В школе даже, впервые в Краснодарском Крае, организовали казачий класс, с углубленным изучением истории Кубани и истории казачества. Так же именно Клавдия сумела отстоять перед ведомственным руководством введение в школе пред-

мета «Кубановедение».

Смерть младшего сына сильно подкосила здоровье его родителей. Но в эти дни случился и еще одно происшествие.

Через неделю после похорон, Семен, вместе со всем хором, поехал на выступление в Москву. Семья решила, что Григорий вернется в столицу после возвращения отца с гастролей, а пока поживет с матерью, поддержит ее. Так вот, на гастролях Казачьего Хора в Москве это и случилось.

Семен с хором выступали перед зарубежной делегацией, давали сольный концерт в Министерстве Обороны для приглашенных западных военных в рамках конференции по сближению наших стран под эгидой разрядки и снятия военного напряжения между НАТО и странами бывшими членами Варшавского договора, и в особенности Россией.

Разумеется, ни Семен, ни его коллеги по хору не участвовали в планерных заседаниях и не слушали речи ответственных участников. Однако, они все были приглашены на ужин в честь окончания конференции. В отличии от западных банкетов, где все организовано в виде фуршета, гости свободно передвигаются по залу и общаются, наше мероприятие было организовано в лучших советских традициях, с огромными столами, ломящимися от еды и напитков и строгой рассадкой по заранее определенным местам, о чем заботились официанты, выправкой и суровыми лицами больше похожие на младших офицеров или курсантов Академии Федеральной Службы Безопасности.

От обилия еды, от вида которой они все уже успели отвыкнуть за последние несколько постперестроечных лет, участники хора пьянели не меньше, чем от выпитой водки. Тосты поднимались часто, были они многословными и выпивались всегда до дна. И вот, микрофон для очередного тоста, взял какой-то руководитель натовской делегации. Он извинился за свое незнание русского языка и начал, через переводчика, излагать длинный, красивый и очень уместный в это время тост о дружбе между народами, о помощи, которую цивилизованный мир в лице альянса готов предоставить так нуждающейся в помощи России. Семен, как и любой летчик, тем более военный, неплохо знал английский. Он заметил, что некоторые особо острые углы, когда оратор уж очень восхвалял возможности запада и откровенно саркастировал по поводу возможностей России, наш, русский переводчик старательно сглаживал и выдавал в эфир более мягкую версию. Но не от злости на слова тостующего у Семена захолодело сердце и замерла рука. Тост говорил тот самый специалист, который несколько лет назад по сантиметру отрезал ему в Богом забытой афганской деревушке пальцы на левой руке. Сначала Семен узнал этот голос, потом, посмотрев на говорившего полковника в натовском мундире, окончательно убедился, что это он.

В один из перерывов, когда кто-то вышел освежиться, кто-то покурить, Семен подошел к группе из пяти военных,

наших и западных, в которой стоял полковник. Он тронул полковника за плечо, и когда тот обернулся, спросил:

– Помнишь меня?

Полковник сначала было отмахнулся, но потом посмотрел в глаза Семену, долго так посмотрел. В глазах вспыхнуло узнавание, зрачки заметно расширились и тут же сжались до крохотной черной точки.

– Sorry man, could you speak English? – спросил полковник и, уже скучающим взглядом окинул Титова с головы до ног, задержавшись взглядом на пустом левом рукаве казачьего бушлата.

– Ты ж, паскуда, русский знаешь не хуже меня! – Взревел Семен. – Это ж ты мне в Афгане руку резал!

– Это что за хрень? – Взревел стоявший рядом крупный седой генерал. – Казак, нажрался что ли?

– Товарищ генерал, это он, эта сука меня в Афганистане резал, – напряжение последних недель и хмель сделали свое дело, Семен брызжа слюной тыкал в натовского полковника пустым рукавом. – Это он, он узнал меня, он по-русски лучше нас с вами говорит паскуда, а теперь он тут водку за дружбу пьет, а я из-за него летать не могу.

Семен здоровой правой рукой схватил погон с серебряным орлом и рванул на себя. Погон не оторвался, но полковник буквально налетел на Семена и приобняв ловко закинул правую ногу под голень левой ноги Семена и, придав чуть-чуть усилия, повалил его на пол, сам упав на него сверху. Со

стороны все смотрелось, будто бы пьяный русский схватил и повалил на себя натовца. После падения губы полковника оказались у самого уха Семена и он прошептал на чистом русском:

– Ну конечно же я тебя помню, я за тебя свой золотой лист на погоны получил, надо было тебе тогда не руку, а яйца отрезать, сейчас бы солистом в своем хоре был бы, – он легко оттолкнулся от Семена и встал на ноги.

– You're drunk soldier. You disgrace your uniform, – с презрением выплюнул он казаку, все еще лежащему на полу, – General, is it the normal behavior for your staff? Or it's a part of the entertainment? – обратился он к генералу.

– Интертейнмент, точно, интертейнмент. Сейчас я этому казачку отдельную шоу программу устрою! – Ревел генерал. – Унесите эту пьянь отсюда, – приказал он тут же подбежавшим двум официантам.

Парни подхватили Семена под мышки и за ноги, легко вынесли из зала в коридор. Когда Семена поднимали он весь как-то странно обмяк. На него навалилась непонятная мягкость, не расслабленность, а именно обвислость и покорность. Он весь смялся, очень сильно заболело в районе висков, закружилась голова и Семена вырвало прямо на ноги державшего его официанта. Он попробовал что-то сказать, но из моментально высохших губ вылетело лишь какое-то мычание. На штанах расползалось темное пятно.

К счастью, официанты, обслуживающие банкет, были все

же не просто сотрудниками какого-нибудь ресторана, а обученными людьми. В том числе и элементарные знания по медицине им в академии тоже преподавались. Один из них понял, что казак не просто пьян, тут что-то посерьезнее, и вызвал скорую.

Об инсульте отца Григорий узнал в этот же день, друзья по хору позвонили в Краснодар и рассказали ему о происшествии. Через шесть часов Григорий был в Москве, а уже через двадцать часов Семена Титова, с диагнозом ишемический инсульт, привезли в госпиталь Бурденко. В тот самый военный госпиталь, где четырнадцать лет назад ему ампутировали руку.

Лечение шло сложно. Семен не мог говорить, практически не мог пользоваться рукой, лишь слабо шевелил пальцами. Друзья по хору рассказали Григорию все, что произошло на банкете. А еще Григория вызвали к начальству и разнесли в пух и прах. Оказывается, генерал, присутствовавший при инциденте, пообещал натовскому полковнику «разобраться и наказать» алкоголика-казака. И как не странно, обещание свое не забыл. На Семена чуть не дело завели, за попытку срыва важнейших международных переговоров. Генерал требовал публичной порки казака, и ему плевать было на то, что Семен говорил тогда и в каком состоянии он находится сейчас.

Долгие дни провел Григорий в палате отца. Кое как, мы-

ча и подавая знаки глазами, Семен смог рассказать сыну, кого он встретил на том банкете. Григорий подключил все свои связи и выяснил, что натовский полковник был военным атташе при посольстве Соединенных Штатов, аккредитованный МИДом и имеющий дипломатическую неприкосновенность. Григорий, опять же пользуясь служебным положением, обошел множество кабинетов, везде рассказывая историю отца и требуя предпринять что-либо в отношении полковника. Пока однажды его не вызвал его непосредственный начальник и не ознакомил с приказом о переводе Григория Титова из московского центрального управления службы охраны в территориальное УФСБ по Краснодарскому краю.

– Расстроил ты меня, Гриша, – сказал ему на прощание шеф, – у меня на тебя были большие планы, глядишь, через пару тройку лет ты бы и этот кабинет занять мог. Ан нет, оказывается, для тебя семья важнее родины. Ну зачем ты под этого полковника роешь? Кому и что доказать хочешь? Думаешь, мы его историю службы не знаем? Или нам твоего отца не жалко? Но раз мы поставлены государством охрану нести, про себя и родственников нам думать нельзя. Нам сейчас никак невозможно со штатами ссориться, они нам столько денег дают, что без них наша экономика давно бы уже загнулась. А то, что за это нужно чуть гордость усмирить, где-то оружейный заводик на выпуск сковородок перевести или какую часть расформировать, так это ничего, это дело

наживное. Понадобится, мы это мигом восстановим. Жаль, что ты этого не понимаешь.

– Я понимаю, что моя страна как шлюха, которую трахнули в переулке, а потом в кабак пригласили. И вот она, трахнутая, сидит и спасибо за стопку водки с куском шашлыка насильнику говорит. Только это не моя родина. Это вы и такие как вы ее такой сделать хотите. Потому что вы сейчас голодные, вам сейчас шашлыка хочется. И домой еще надеетесь, внукам пакетик с недоедками принести. А думали бы вы о своих потомках, о детях своих – вы бы не тосты за унижение России пили, а эту гниду сначала персоной нон грата бы объявили, а потом бы мне приказ на уничтожение дали. Но нет, вы под любого, у кого сейчас деньги есть, лечь готовы, причем не просто лечь, а еще и «мыслями о родине» прикрыться, чтоб без смазки в вас зашли и не заметили, что клиент вас не возбуждает!

– Ах ты ж сучонок. Ты меня выродок, генерала, шлюхой считаешь? Ты сам сколько задниц вылизал, чтобы не в своем сраном Краснодаре, а в Москве служить? И не просто, а в центральном аппарате! Или ты думаешь нам про твои блокнотики с записями не известно? Ишь, щегол, запомнил, когда у моего внука день рождения и думаешь, подарочек ему передашь так и со мной подружишься? Хер тебе. Был бы ты дурак, я б тебя простил. А ты Гриша совсем не дурак. И значит мысли свои, свою точку зрения ты не поменяешь. Притвориться можешь. Соврать, что мол, осознал и каешься. Ты

Гриша умный, но дурак. Это для службы опасно. Не дам я тебе шанса в конторе карьеру сделать. И вообще, считай теперь ты никто и звать тебя никак, – говоря все это генерал сначала яростно брызжал слюной и почти орал, но постепенно сам успокоился и стал говорить тихо и размеренно, отчего его слова стали еще более страшными.

– Ты, Гриша, радуйся, что я тебя в Краснодар перевожу, хотя вижу, что тебя дурака нужно в дальневосточный округ рядовым отправлять. Ну да ладно, может остатков ума у самого хватит рапорт об увольнении написать. Будущего у тебя в органах больше нет. Пшел вон щенок тупоголовый! И отца своего из госпиталя забирай, нечего штатскому в военном госпитале койко-место занимать. И еще запомни, ни тебе, ни твоему отцу никто из твоих, теперь уж поверь мне, бывших знакомых не поможет. Об этом я позабочусь. И винить тебе за это нужно только себя. Это ты своим языком себе и отцу будущее не то что испортил, ты его у вас украл. Вот и живи в своем Краснодаре с этим.

Так, к лету 2000, семья Титовых снова оказалась вместе в Краснодаре, в квартирке на Покровке, только уже без младшего, Ивана, и с парализованным Семеном.

Глава 7

Я вышел из обувной мастерской на улицу. На ступеньках Ирины не было. Заглянул в соседние аптеку и продукты, но и там ее не оказалось. Спустился на тротуар и посмотрел по сторонам. Девушки нигде не было. Бегать искать ее не имело никакого смысла. Мне самому было над чем подумать, и сделать это следовало как можно скорее.

На часах было 12:45, т. е. вся моя встреча с ментами и Ириной в подсобке бара заняла чуть больше часа. Незаметно время пролетело, прям как будто я на аттракционах был, или книгу интересную читал, а не в наручниках под пистолетом сидел. Странная вещь, психика. В кризисные моменты сознание может и сжаться так, что прям грифель в алмазик превратить сможет. А может и растечься, распластаться как ковыль по степи. В принципе, мне моя реакция на эту историю понравилась. Пока не столкнешься с чем-то подобным сказать, как ты себя поведешь, невозможно. Тааак, что-то я ухожу в раздумья, а сейчас не время и не место для этого. Подумать конечно нужно, но вот только сделаем это с комфортом. У меня есть несколько вариантов. Попросить у кого-то из прохожих телефон и позвонить водителю, чтобы он забрал меня. Или сразу позвонить своему руководителю безопасности, чтобы он приехал и на месте, по горячим следам, мы бы решили как дальше действовать. И водитель,

и безопасник, смогут подъехать ко мне минимум за пятнадцать-двадцать минут. Плюс, на то, чтобы получить у прохожего телефон уйдет пара минут, не факт, что первый встречный даст трубку. Итого от семнадцати до тридцати минут до встречи. Можно сесть на лавочку и слиться со множеством отдыхающих, ловящих весеннее солнце. Можно сесть в какое-нибудь кафе и подождать сотрудников с кофе. Вот только я не был уверен, что меня сейчас не начинают искать полицейские. Мои визави из подсобки уже наверняка пришли в себя и их дальнейшие действия для меня загадка. Один из возможных вариантов – они уже сообщили мои приметы дежурному и сейчас меня ищут все наряды, патрулирующие город. А значит нужно как можно скорее спрятаться. Спрятаться там, где есть кофе и телефон.

В свое время я дал задание сотрудникам приобрести несколько квартир в Краснодаре и в других городах, где у компании Максим были особенно большие офисы. Это удобно, когда кто-то из менеджеров переводится на несколько месяцев для работы в другом городе, или приезжают какие-нибудь деловые партнеры на неделю и больше. Не нужно снимать сотруднику или гостям отель, да и им удобнее все-таки жить в благоустроенной квартире, а не в гостинице.

Поэтому почти во всех крупных городах страны, а уж в столицах федеральных округов точно во всех, у компании «Максим» есть по дюжине квартир, от маленьких студий до

четырех-пяти комнатных апартаментов. Все квартиры оснащены электронными замками, т. е. ключи совершенно не нужны. Все квартиры регулярно убираются и в них пополняется минибар и минимальный набор чая, кофе и снеков.

В одной из таких квартир на этой неделе жил сибирский региональный директор, который приезжал на обучение в Краснодар. Я знаю это потому что сам подбирал курсы тренингов для самых перспективных сотрудников. Так же я знал, что тренинг закончился во вторник, а значит самое позднее в среду квартиру мой рег директор освободил. Расположение квартиры я знаю, потому что на онлайн совещании в начале недели, мне этот рег дир говорил, что поселили его прям в самом центре, на Красной. На Красной у «Максима» есть только одна квартира, в ЖК Центр Города. Номер квартиры я разумеется не знал, но это легко выяснить у консьержа. Итак, решено, думать буду в квартире. От Одесской до ЖК Центр Города всего то квартал, через три минуты я уже буду возле дома, через пять смогу принять душ и выпить чашку кофе. Заодно кстати сам проверю, как работает наша клининговая компания и что мы кладем в мини бар нашим гостям.

Пройдя метров пятьсот по Красной в сторону улицы Северная, я свернул на территорию ЖК. Тааак, что-то я давно в жилых комплексах не бывал. Привык в своем доме жить, один дом, один номер дома, все четко и понятно, не ошибешься. Я смотрел на жилищный комплекс, несколько высо-

ток, и в каждой по нескольку подъездов. Если я в каждом начну консьержку пытать, где тут квартира компании «Максим» – кто-то бдительный или ментов вызовет, или просто крик поднимет. Нет, это не наш вариант. Хотя, кто не рискует… Вернее, кто не думает… По логике, литеры в ЖК вводятся в эксплуатацию по очереди, первый, затем второй, затем третий и т. д. Опять же по логике, мой директор по экономике покупал квартиры на этапе котлована, так всегда дешевле. Не знаю, кто застройщик этого комплекса, но думаю, что вне зависимости от его репутации, мои сотрудники не стали бы покупать квартиру, пока не увидели бы, что строительство реально идет. Значит первый литер точно отпадает. Место у комплекса очень центральное, цена продажи квартир с каждым возведенным этажом уверен росла минимум в арифметической прогрессии, поэтому последний и даже предпоследний литеры не рассматриваем, в них ценник был думаю уже космическим. Итого, что мы имеем? Мы имеем вот этот вот дом, литер два, и мне определенно везет, потому что, в отличие от других домов комплекса, тут всего один подъезд.

Я прошел через детскую площадку и поднялся на несколько ступенек ко входу в дом. Из подъезда как раз выходила молодая женщина с коляской, я придержал ей дверь, зашел в небольшой тамбур и из него в холл. С левой стороны, в аквариуме, там, где я ожидал увидеть старушку консьержку, сидели двое парней лет по двадцать пять-двадцать семь, в

ЧОПовской черной форме, один смотрел в мониторы, второй с интересом разглядывал меня. Форма была не только по размеру, но еще и явно свеже поглаженная. Кажется, я недооценил этот комплекс.

– Добрый день, как найти консьержа или управляющего? – Спросил я, подходя к открытому окошку в застекленную комнату.

– А вы собственно кто? – Совершенно не дружелюбно поинтересовался у меня разглядывающий меня охранник.

– Я собственно жилец, на ближайшие несколько дней по крайней мере. Мне нужно номер квартиры уточнить, квартира компании «Максим», мне в нее. И меня кстати Макс Ром зовут.

Задавая вопрос всегда лучше представиться, это, во-первых, автоматически вызывает доверие, особенно если вы не только имя, но и фамилию называете. Ну и отказать человеку, чье имя ты знаешь, сложнее, чем просто кому-то незнакомому. Даже если произнесенную фамилию не то, что не запомнили, но даже и не расслышали.

– И парни, подскажите, я тут прошел по комплексу, похоже на поесть тут ценник будет беспредельный, а у меня суточные. Посоветуйте, где не дорого, но безопасно поужинать тут рядом можно?

– Документы и в какую квартиру? – Охранник все так же с подозрением смотрел на меня. – Мы не можем вас пропустить без звонка жильцам.

– Вы не дозвонитесь жильцам, потому что в квартире никто не живет, это квартира компании «Максим», которая рестораны. Я в командировку приехал, меня в ней вместо гостиницы поселили, – говоря все это я уже понимал, что через этих парней мне не пройти. Я морально подготовился улыбаться бабульке, вяжущей внукам носки, а никак не убеждать двух парней пропустить меня туда-не-знаю-куда, да еще и сказать где это.

– Это он про пятьсот девяносто пятую, только там какой-то мужик живет, – не отрываясь от мониторов сказал первый охранник.

– Мужик, рыжий, чуть ниже меня, крепкий такой, но уже с пузиком. Так? Он выехал уже, теперь там я буду.

– Документы предъявите пожалуйста.

– Документы не предъявлю, у меня как видите ни сумки, ни чемодана с собой, все чуть позже водитель привезет, в офисе все осталось, а меня коллега на своей машине подкинул, – главное говорить, главное, чтобы у них в голове я уже жильцом был, – если хотите, пойдем со мной, посмотрите, что дверь я не взламываю.

– Серег, давай я с ним поднимусь, как раз и лампы проверю, сегодня нужно на следующую неделю заявки отдать на замену, – первый охранник оторвался от мониторов и наконец взглянул на меня.

– Ну проводи, проводи, раз засиделся, – второй наконец оторвал от меня взгляд.

Вселенная явно извиняется передо мной за случай в баре. Никак иначе такую сговорчивость вроде бы нормальных, не манкирующих своими обязанностями охранников, я объяснить не могу. Ну и ладно, и не будем об этом думать, получилось – вот и хорошо.

Мы прошли по светлому лобби к лифтам, один из них тут же открылся, едва парень приложил руку к сенсорной панели вызова. Так, нужно чтобы он сам нажал нужный мне этаж, зачем давать лишний повод задумываться о моей вопиющей неосведомленности по поводу выделенного мне жилья. Поэтому я, очень невежливо, прошел в открывшуюся кабинку первым, чуть подрезав корпусом уже было двинувшегося в двери парня. Зайдя в лифт, я сразу же прошел в угол и развернувшись улыбнулся охраннику, как бы благодаря за то, что он меня пропустил вперед.

Парень нажал на кнопку 12, двери плавно закрылись и лифт бесшумно поехал вверх.

Команда, ответственная за размещение сотрудников и гостей в квартирах, в свое время много думали над тем, как организовать доступ в эти самые квартиры. Все-таки, стойки регистрации в домах нет, это не отель, консьержи опять же далеко не во всех домах есть, да и оставлять ключи непонятно кому тоже не хотелось. Так пришли к идее кодовых электронных замков. Было изначально ясно, что код должен быть динамическим, т. е. он должен меняться для каждого

квартиранта. И менеджер по размещению должна легко дать код доступа к любой квартире в любом городе. Ведь командировочные часто приезжают в квартиру ночью, и если код не подойдет – кому тогда звонить, с кого спрашивать? Решение с использованием текущей календарной даты предложила якобы секретарша, которая принесла кофе в комнату, где совещалась тогда квартирная команда. Я знаю об этом, потому что мне это в качестве анекдота рассказывал мой начальник безопасности. Он тогда еще предложил снять премию со всех участников совещания, за то, что они вопрос решали в присутствии постороннего, в присутствии секретаря. И все снятые с них деньги отдать той самой секретарше, за идею и за то, что не побоялась ее озвучить.

Итак, во всех городах все квартиры «Максима» открывались одинаковым кодом, состоящим из пяти цифр. Первые две цифры – это день заезда, третья цифра это первая цифра номера квартиры, последние две цифры – это месяц заезда. После введения такого кода дверь его запоминает и сотрудник пользуется этими пятью цифрами ключа все время пребывания. Смена кода, обнуление, происходит когда квартиру убирает клининговая служба. По каким алгоритмам они попадают в квартиру я разумеется не знал.

Мы приехали на двенадцатый этаж. Лифт мелодично тренькнул и двери мягко разошлись.

– За мной, командировочный! – Весело сказал охранник.

Мы прошли направо, вышли из лифтового холла в светлый, облицованный плиткой коридор, еще раз повернули направо и подошли к серой железной двери без замочных скважин, но зато с металлическим пультом, похожим на домофон, чуть повыше уровня дверной ручки. Судя по высоте расположения клавиатуры, моя компания предполагает, что сотрудник может приехать в командировку с ребенком. Или в руках у него могут быть тяжелые сумки. Ну что ж, вполне разумно. Продуманность в таких мелочах это как раз то, что я жду от сотрудников.

Я подошел к блоку и уже было занес руку.

– Только Максим Ром, ты учти, в квартире сигнализация от вневедомственной охраны, теперь это Россгвардия, но все равно, в наш дом они не позже чем через три минуты приезжают. Ты заходи, а я тут, у двери постою минут десять, мне как раз у вас в коридоре датчик движения нужно проверить, что-то он барахлит, люди жалуются. Так что ты заходи и не забудь там код отмены набрать, угу?

Я обернулся на охранника. Он стоял в пяти шагах от меня, в руках была полицейская дубинка. Отличная все-таки охрана в этом доме. Меня от стеклянной витрины охранницкой комнаты увели туда, где я ну никак не мог бы причинить охраняемому объекту ущерб. Если я действительно имею право зайти в квартиру, то есть если мне известен код двери, значит я и код сигнализации должен знать, это очевидно. Если я сейчас ринусь бежать – охранник меня легко

положит, видно, что человек тренировался не на кроссвордах, а в спортивном зале. Плюс дубинка. Ну а если я даже обману замок и зайду в квартиру, но не наберу отмену сигналки, гвардейцы уже через пять минут вскроют квартиру и вытащат меня наружу. И имя мое он запомнил, хотя мне казалось, что он от монитора и не отлипал. Ах какие молодцы парни, прям профессионалы, люблю таких.

Это все хорошо, но кода отмены сигнализации я и правда не знал. Я вообще даже не знал, что квартиры на охране стоят. Дааа, что-то меня, наверное, сильно все таки в баре ударили, как же я о таких элементарных вещах та не подумал. И ведь не скажешь сейчас, мол, код забыл, поеду уточню и вернусь через пол часа. Не зря он дубинку достал, кстати я и не заметил, как и откуда. И не зря он от меня на пару шагов отошел, чтобы время для замаха было. Ай какой молодец, на работу его возьму.

Итак, будем решать проблемы по мере поступления. Нужно заходить в квартиру. Сегодня 6 апреля, квартира 595, значит код доступа 08504. Набираю эти цифры на табло, дверь слегка щелкает и я слышу как электро-моторчики отодвигают засов.

Не тратя время на прощание с охранником я, не поворачиваясь к нему, бросаю «Спасибо» и вхожу в квартиру, прикрыв за собой дверь. На стене, слева от входной двери, висит белая пластиковая коробочка сигнализации с циферблатом, похожим на кнопочный телефон, и маленьким дисплей-

чиком, сейчас отчаянно, хотя и беззвучно, мигающим красным светом. А вот теперь нужно все делать быстро. В квартире должен быть городской телефон. Не может его не быть, все-таки квартиры мы покупали для иногородних, а роуминг внутри страны наши сотовые операторы отменили не так уж чтобы и давно. Ну не могла моя, такая вся социально ориентированная, компания не поставить в квартиры для командировочных городской телефон. Ага, а вот и он, хорошо, что я сам строил свою компанию, могу ее просчитать.

Я быстро набрал номер моего главного безопасника, Руслана Дзантиева:

– Руслан Викторович, это я, я в нашей корпоративной квартире на Красной 180, ЖК Центр Города, в квартиру я зашел, а вот кода отмены сигнализации я не знаю, ты мог бы сделать так, чтобы ко мне орлы в брониках не приезжали? Будь добр, а потом сразу мне сюда перезвони.

– Сделаю, – сказал Руслан и первым отключился.

Хороший мужик Руслан. Бывший полковник ФСБ, но не порченный властью. Работает у меня уже лет десять, причем он свою, совершенно не маленькую зарплату, окупил как мне кажется еще только за первые полгода работы, когда остановил тотальное воровство внутри конторы и построил систему безопасности, которая с теми или иными нововведениями, работает в «Максиме» до сих пор.

Прошло три минуты и телефон разразился трелью.

– Алло.

– Максим, это я, сигнализацию отключили, код снятия я тебе на телефон смс выслал.

– Спасибо, только телефона у меня больше нет. Совсем. Кстати по этому поводу, Руслан, давай-ка, подъезжай ко мне сюда, в квартиру пятьсот девяносто пять, через час-полтора. Кстати, ты не в курсе, тут сколько комнат, а то я еще не успел оглядеться.

В разговоре повисла пауза.

– Максим, ты в порядке?

– Руслан, был бы я не в порядке или нужна была бы мне срочная помощь, я бы тебе кодовое слово сказал, я его не забыл, не переживай. Все нормально, но тема для беседы с умным человеком неожиданно появилась.

– Это по результатам Москвы?

– Не гадай. Или ты время тянешь и ищешь сейчас описание квартиры?

– А мне не надо тянуть, я все еще когда россгвардейцам звонил поднял. Трешка, сто двадцать четыре квадрата, последний постоялец наш, руководитель сибирского филиала, выехал вчера в 11:47, уборку закончили в 18:09, в минибаре есть крепкий алкоголь, денег или документов в сейфе не хранится, он вообще открытый судя по датчику.

– Крепкий алкоголь – это хорошо, сейчас себе кофе коретто сделаю. Это минут двадцать. Потом двадцать минут на душ и еще одну чашку кофе сварю, подумаю в тишине. Так что, да, где-то через час жду тебя. И позвони, пожалуйста,

моему водителю, он меня у заксобрания ждет, пусть привезет нам через полтора часа пиццу и вино. Или у нас в мини барах вино есть?

– Того, что ты пьешь, у нас в минибарах нет. До встречи босс, – и в трубке послышались короткие гудки.

Я положил трубку и перешел наконец-таки из прихожей в кухню. Рядом со стеклянным бошевским электрочайником стояла красная крупсовская капсульная кофе машина, не самая навороченная судя по размеру, ну да и ладно, лишь бы кофе нашелся хороший. Я открыл навесной ящик. Тарелки, салатницы. Странно, обычно тарелки размещают над раковиной, а над чайником и кофе машиной кладут чай и кофе. Хотя, да, это же не жилая квартира, законы эргономики тут перестановку не делают, тут как с первого дня кто-то положил, так годами и будет тянуться. Я открыл еще пару ящиков и наконец нашел и кофейные капсулы Якобс и тут же новую, не распакованную еще, вакуумную пачку кофейных зерен Уганда. Тут же стояла маленькая, на пару чашек, гейзерная кофеварка и миниатюрная, на три-четыре чайные ложки, тоже крупсовская, кофемолка. Теперь посмотрим обещанный алкоголь и тогда решим какой кофе у меня будет. Небольшой стальной бошевский холодильник. На двери, в двух нишах, там где обычно хранятся лекарства или сладости, выстроился рад из примерно дюжины маленьких, пятидесяти граммовых бутылочек алкоголя, пара бутылок чешского пива и па-

ра бутылок вина с винтовыми пробками. А вот это уже интересно. Я вытянул резную бутылочку ликера «Монтенегро».

Уже через пять минут я вынес на открытый балкон стоявшее в гостиной кресло и уселся в него, держа чашечку двойного эспрессо с добавлением ликера. Кофе, крепчайший эспрессо с сорока градусной граппой, любят на завтрак итальянцы. На завтрак я себе, конечно, такой напиток не позволяю, но вот добавить в горячий напиток слабенького ликера могу, это хорошо подстегивает мою фантазию. А сейчас мне очень нужно было пофантазировать. В английском есть такое выражение, out of the box thinking. Вот как раз нестандартно мне сейчас и нужно подумать. Потому что в мою стандартную жизнь последние три часа ну никак не вписывались.

Итак, что мы имеем? Пара полицейских, вероятно не на служебном задании, но при этом, опять же вероятнее всего, работающих на губернатора и готовых пойти на крайние меры в отношении не известного им человека. А значит, либо они чувствуют за собой силу, знают, что их при нужде отмажут, либо они совсем уж нервные не профессионалы и просто готовы были сорваться. Ну, лучше, наверное, исходить их того, что противник умный. И у них на меня прям очень большой зуб теперь есть. Второе. Ирина Николаевна, блондинка, на которую предположительно у губернаторских людей есть целое «дело». И так же имеет за спиной некую силу, предположительно казачество, которая готова вступить-

ся за нее. С ней я вроде бы не конфликтовал, но каким-то образом в ее игры с ее контрагентами я все же влез. И относить ее к своим друзьям или даже нейтральным ко мне людям, вероятно, тоже не следует. Кто его знает, какие выводы она из сегодняшнего дня сделает или какие выводы ей ее мудрые друзья подскажут. А то, что такие друзья есть, что Ирина не самостоятельная сторона, а лишь представитель, в этом я убежден. Итак, есть две стороны некоего конфликта, предположительно между губернатором и казаками. И есть я, который между ними, сам того не желая, оказался.

Выйдя из душа, завернутый в нашедшееся в аккуратной стопке большое белое полотенце, я продолжал думать. Главный вопрос, и от него будут во многом зависеть мои риски по итогам сегодняшнего дня, это смогут ли меня идентифицировать стороны конфликта. Мой Блекберри они никогда не разблокируют, это не простой телефон, в него без моего ведома никто не влезет. По кредитке Ситибанка они тоже ничего не выяснят. Про таких клиентов как я такой банк как Сити, без письменного распоряжения генерального прокурора США, никому ничего не выдаст. И от банальной продажи моих данных каким-нибудь «менеджером среднего звена», как это часто случается со всеми базами данных любого банка, я тоже защищен своим привилегированным статусом. Меня просто нет в общих базах данным Ситибанка. Остаются фото и видео записи. Если кто-то верит, что в наше время

пройдя по городу вы не окажетесь на паре-тройке видеозаписей – этот человек явный оптимист. Ну а прогулка по Красной – это гарантированно участие в дюжине видеофильмов.

На этом месте мои мысли были прерваны звуком открывающегося замка. Стукнув пару раз в уже открытую дверь, в квартиру вошел Руслан Дзантиев.

– Хозяева, есть кто дома? Доставка из прачечной. Заказывали?

– Привет Руслан, только не говори, что ты мне чистый костюм привез?

– Хорошо, не скажу, я просто сумку с одеждой и кроссовки тут брошу. Вопросы задавать можно, или тоже нельзя и следует скромно молчать? Я ж себя так реально курьером буду чувствовать, на чаевые начну надеяться.

– Не надо ничего говорить и спрашивать, потом я тебя и поблагодарю и полностью в курс дела введу. А сейчас держи вот такие вводные: сегодня, примерно в одиннадцать часов, я вышел из машины в районе «Табриса» на Красной, перебежал дорогу и подошел к Авроре, оттуда пошел вниз, в сторону улицы Северная, прошел мимо большого ресторана и сел за столик в следующем кафе. Кстати, я так и не посмотрел, как оно зазывается. Примерно через час-час двадцать, я вышел из этого кафе с девушкой, блондинка, голубые джинсы и черная куртка, дошел с нею по аллее до Одесской, мы перешли улицу по подземному переходу и зашли в обувную мастерскую в гостинице Динамо, между аптекой и продук-

товым. Оттуда я уже сам дошел по четной стороне улицы Красная до этого вот дома. В квартиру я зашел не знаю во сколько, глянь пожалуйста, по входящему, я сразу тебя набрал. Задача: изъять все возможные фото и видео фиксации моего лица из всех возможных источников со всех камер.

– Это все? – серьезно спросил Руслан.

– Пока да, это я вижу первоочередной и максимально срочной задачей. Терять время на объяснения сейчас не буду.

– Видео нам нужно, или его просто удалить?

– Ты знаешь, нужно. Вторым этапом меня будет интересовать идентификация пары мужчин и одной девушки, – сказал я, заметив это «нам».

За это я и ценю своего безопасника, у него любой вопрос «наш», т. е. и его тоже, он уже участвующая сторона, именно в таких мелочах проявляется вовлеченность сотрудника в дело.

– Ладно, босс. Но блин, если ты не хотел оставлять след в истории, хоть переход бы подземный пропустил. Эээх, ладно, очень жду рассказ, а пока позволь я в другую комнату выйду, мне одному спокойнее работается.

Когда Руслан вышел в соседнюю комнату я взял сумку и ушел в ванную комнату переодеться. Джинсы, белье, футболка и толстовка. Из мешочка для обуви вывалил на пол пару найковских кроссовок. Отлично, все таки у меня талант собирать вокруг себя отличных сотрудников. Кто-то же,

или Руслан или водитель, подумали о том, что я в костюме из Москвы прилетел и могу захотеть освежиться. Переодевшись я вышел в комнату. Почти сразу из соседней комнаты показался Руслан.

– Ну в общем так, все стационарные камеры, что городу принадлежат, сейчас обработают, на носители для нас видео скинут, а потом с серваков это видео удалят. По остальным камерам тоже работают. Разумеется, гарантировать, что удалят все, никто не может, но сделают все возможное. Просто сейчас камер, что блох на Барбоске, тем более на Красной. И у всех свои хозяева, и все это государевы службы. Ну да ладно, по максимуму сделают. Но остаются еще коммерсы. Практически на каждом магазине своя камера. Ты я так понял по аллее шел, не по тротуару вдоль домов? По крайней мере до Одесской. Это уже хорошо, но все равно мне и с домов камеры срисуют и с владельцами пообщаются.

– Во-первых, спасибо за одежду, я сам и не подумал, – я застегнул молнию на толстовке, – Не знаешь, бумага и ручка тут есть?

– Должны быть, мы ж квартиру не туристам сдаем, посмотри в рабочем столе, – телефон Руслана тренькнул и он склонился над экраном.

Рабочая зона, с еще одним телефонным аппаратом и торчащим из круглого выреза в столешнице изернетовским шнуром была в этой же комнате. Именно от этой зоны я и взял кожаное кресло на колесиках, когда выходил на балкон

с кофе. Выдвинув ящичек стола я увидел несколько блокнотов А5 формата, самое то, сам люблю в таких писать. Еще в ящичке лежало несколько карандашей, точилка, набор разноцветных ручек, калькулятор и беспроводная мышка. Под этим всем виднелся ламинированный листок с паролем WiFi и короткой описалкой содержимого квартиры и ее мультимедийных возможностей. В глубине ящика валялся проводок-переходник USB на несколько выходов и розеточный адаптер. Ну что ж, если у нас все квартиры так оборудованы, то я прям таки горд за свою службу размещения. Даже мне, а я достаточно требователен к жилью и к рабочему месту, вполне комфортно было бы пожить-поработать тут пару тройку дней.

– Сейчас пиццу и вино привезут, нам еще что-то понадобится? – Спросил Руслан прочтя сообщение на экране.

– Пусть еще минералку захватят, я не смотрел, что тут с водой, кофе на фильтрованной делал, там возле трубопроводного крана краник фильтра. Вроде бы остальное все тут есть.

– Ок, кстати, держи телефон, – с этими словами Руслан достал из кармана пиджака такой же, как и мой старый Блекберри телефон и передал его мне, – ты сказал, что телефона у тебя теперь совсем нет, верно?

– Да, я не знаю, у кого сейчас мой телефон, – ответил ему я.

– Значит я все правильно сделал. Твоя старая симка от-

ключена. Телефон вскрыть думаю никто не сможет. Вернее, я надеюсь на это. Вскрыть можно разумеется все, смотря какие ресурсы приложить. В этом телефоне все твои контакты, что ты с облаком синхронизировал. Историю переписки в мессенджерах постараемся вытянуть, но сам понимаешь, не из всех это получится сделать. Ребятки уже колдуют, поэтому жди много оповещений в ближайшее время. Еще по старому телефону. Серийник, ИМЕИ трубки, мы большой операторской тройке, Мегафон-МТС-Билайн уже передали, если случится чудо и твой телефон свяжется с любой базовой станцией или выйдет в сеть – нам сообщат.

– У меня еще карта Ситибанка ушла, на Макса Романа.

– Ты, шеф, по каким подворотням лазил вообще? Не поверю, что тебя на Красной, днем, гопота встретила. Хотя. Зная тебя, ты бы и ночью на Уралмаше в смокинге с бабочкой любому бы обосновал… В общем, давай-ка, гражданин начальник, рассказывай.

В этот момент зазвонил телефон на столе.

– Да, ждем, спасибо, пропустите его, – сказал Руслан в трубку, и уже повернувшись ко мне, – твой водитель пиццу привез. Кстати, это он догадался к тебе домой заехать взять у горничной одежду.

– Да, спасибо что сказал, поблагодарю его. А вот кстати, Руслан, как ты охрану на входе, в подъезде прошел? Ты же, насколько я понимаю, тоже в этой квартире впервые? Как тебя пропустили? Мне никто не звонил сюда.

– Максим, ну ты правда считаешь, что начальника службы безопасности группы компаний Максим может задержать подъездный ЧОПовец? – Руслан приподнял одну бровь и посмотрел на меня.

– Ну ты не передергивай, я не удивление высказал, а спросил, как ты это сделал.

– Во-первых, не забывай, что я не хер моржовый, а полковник ФСБ Российской Федерации, плюс мои харизма, граничащее с гипнотизмом умение убеждать, опять же обаяние… – Глядя как я начинаю вдыхать воздух для ответа он скороговоркой добавил, – тот, который поспортивнее, взялся почему-то сразу меня проводить. И в лифте он мне сказал, что узнал меня, что он проходил собеседование к нам в «Максим», в центральном офисе, и кто-то из интервьюеров ему меня, проходящего по коридору, показал мол, вот наш главный. А у парня оказывается фотографическая память на лица. Его данные я записал, нужно будет пробить паренька, нам такие фотографические пригодятся. А вот раз мы об этом заговорили, ты та как эту квартиру нашел? Мне и то по базе искать пришлось, положим про код доступа я сам тебе рассказывал, но адрес та ты откуда знал?

– А я и не знал, я вычислил. Ладно, не об этом сейчас, давай лучше…

В этот момент в дверь постучали. Руслан пошел открыть, я тоже вышел в коридор. Мой водитель, Денис, стоял в дверях, держа на правой руке две большие коробки пиццы, а в

левой бумажный пакет.

– Пицца прошуто фунге и кваттро фармадже, сухое Кьянти и Цоликаури, вода Новотерская без газа.

– О, Денис, спасибо. И отдельное спасибо за сменку, хорошо, что ты об этом подумал, прям выручил меня, спасибо, – я взял у Дениса бумажный пакет, а Руслан уже заносил пиццу в гостиную.

– Денис, ты сегодня свободен, только кейс, с которым я прилетел сегодня, домой завези, пожалуйста.

– Да, Максим Александрович, хорошего дня, – и Денис вышел из квартиры, прикрыв за собой входную дверь.

Час спустя мы с Русланом сидели за столом в гостиной, он на деревянном стуле, оседлав его спинкой вперед, я в кожаном кресле, которое вернул с балкона. На столе лежали две пустые коробки от пиццы, стояла почти допитая бутылка красного Кьянти и наполовину выпитое белое Цоликаури. Перед нами лежали раскрытые блокноты с хронологией событий сегодняшнего полудня, описанием примет моих сегодняшних визави, пошаговым маршрутом. В своем блокноте Руслан постоянно что-то писал и черкал, причем двумя ручками, черной и красной.

Я держал в руке бокал с белым вином и крутил его, рассматривая винные ножки на стекле.

– Давай еще раз, Макс, когда и как ты решил прогуляться по Красной, вспомни, говорил ли ты об этом с кем-нибудь?

Ты не мог не обсудить это с помощником, с Сергеем Давыдовым.

– Сергей взял отгул на завтра и на выходные. Когда мы были в аэропорту в Москве, ему позвонили и после этого звонка он попросил отгулы, сказал, нужно с родственниками встретиться, я не уточнял подробности. Про прогулку я ему вроде бы сказал, когда мы только сели в машину в Москве, примерно в половине пятого утра, когда от отеля в аэропорт отъезжали. В Москве был ветер и мерзкий холодный дождь, я посмотрел погоду в Краснодаре, увидел солнце, и тогда вроде бы и сказал, что по прилету прогуляюсь по Красной.

– А Денису, водителю, ты когда маршрут сообщил?

– Постой, Рус, ты предполагаешь, что меня в этом кафе ждали?

– Я Максим, ничего не предполагаю. Но и исключать того, что это был спектакль именно для тебя, я тоже не могу. Иначе все как-то очень уж невероятно складывается.

– Наверное ты прав, лучше все варианты отработать. Итак, Денису я в порту просто сказал, что нужно подъехать к Авроре. Про дальнейшие планы, что встретимся через пару часов в начале Красной, я ему уже когда выходил из машины сказал.

– Получается, кроме Сергея Давыдова никто о твоем намерении прогуляться не знал, и если это все было подстроено, то ноги только от него могут расти.

– Руслан, ну давай не параноить. Как можно было преду-

смотреть, что я в этом кафе сяду? Я вообще сначала планировал кофе в стаканчике взять и где-нибудь на ступеньках или на лавочке посидеть. Если бы не песня Кью, я бы скорее всего вообще мимо этого кафе бы прошел.

– Вот именно, меня особенно этот момент зацепил. Музыкальный. Вот как ресторатор ресторатору, скажи мне, ты часто в ресторанах свой альтернативный рок слышишь? Или как там твоя любимая музыка называется?

– Согласен, музыка не самая ходовая для общепита. Вот только официантка, Галя, сказала, что хозяин заведения этот сборник приказал ставить еще накануне, вчера. Не ложится музыка в твою схему.

– Ну да, согласен, если только тебя чуть глубже не просчитали. Ты сколько в Краснодаре не был? Недели две примерно? И где ты эти две недели провел? Питер, Стокгольм и последние три дня в Москве, верно? Дай угадаю, не самые солнечные города, так? Ты мне в воскресенье, когда у нас по Ватсапу видеосозвон был, ты вроде сказал еще, что на железной площади в Стокгольме обедаешь каким-то морским гадом и мне его показывал, и что ты мне на прощание сказал? Что надоело тебе это низкое небо и хочется тебе краснодарского солнца. Сергей же был при этом? Ну а то, что после перелетов ты любишь ногами погулять, это всем в конторе известно, вернее, это как минимум не секрет. Вот и получается…

В этот момент у Руслана зазвонил телефон.

– Алло… Да…… ух ты……, интересно, интересно……, а

по лавкам прошли? Ну ладно, спасибо, с меня стакан красного за беспокойство, шефу поклон передавай.

Руслан в задумчивости почесал телефоном затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.